

Заур ЗУГУМОВ

СЕРЕБ

Записки КАРМАННИКА

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

18+

Заур Магомедович Зугумов

Записки карманника (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21377953

Заур Зугумов. Записки карманника: Книжный мир; Москва; 2016

ISBN 978-5-8041-0786-5

Аннотация

В новой книге Заура Зугумова автор сконцентрировал своё внимание на отдельных рассказах, которые не вошли в предыдущие книги. Это увлекательный, с точки зрения жанра, экскурс в прошлое, в котором переплелись непростые судьбы людей и разные, по значимости события, оставившие неизгладимый след в жизни каждого из них.

Перед глазами старого вора, отошедшего от дел, как в жестоком зеркале, мелькают минувшие дни, годы, проведенные в тюрьмах и лагерях, друзья и недруги. Вот прошедший через все круги тюремного ада узник сводит счеты с надзирателем-садистом. А многоопытный зэк, отмотавший полжизни на дальнем колымском лесоповале, становится фермером в благополучной Канаде. Еще виток памяти – и юный Заур Золоторучка потешается над кознями бакинских барыг. В долгие тюремные ночи можно проиграть в карты все, но можно и выиграть многое... честь, свободу... и даже саму жизнь. Беспощадный рок, насилие, страх и отчаяние преследуют узника, но несломленный дух и вольное сердце не дают ему упасть,

удерживая на краю, давая шанс при любых невзгодах остаться человеком.

Не лишним будет еще раз подчеркнуть, что, как и в ранее опубликованных книгах, все персонажи в «Записках карманника» подлинные, также как и события, которые соответствуют действительности.

Второе издание.

Содержание

Предисловие	7
Борода	11
Сноски к рассказу «Борода»	78
Вертун	81
Сноски к рассказу «Вертун»	95
Малява	102
Сноски к рассказу «Малява»	116
Муссолини	122
1	122
2	127
3	131
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Заур Зугумов

Записки карманника

© Зугумов З. М. 2015

© Книжный мир, 2015

* * *

Заур Магомедович Зугумов (Заур «Золоторучка») – родился 1 июня 1947 года в городе Махачкале. Автор целого ряда удивительных, захватывающих книг и статей об уголовном мире, бестселлеров «Бандитская Махачкала», «Бродяга», «Русскоязычный жаргон. Историко-этимологический толковый словарь», «Воровская трилогия». Был судим 11 раз, В общей сложности в местах заключения находился около 25 лет. Член Союза писателей России, Союза журналистов России.

Предисловие

Зугумов Заур Магомедович. Родился 1 июня 1947 года, в Махачкале. В 1959 году был водворен в ДВК – детскую воспитательную колонию – города Каспийска (Дагестан). Так называемую «бессрочку». После нескольких побегов, в 1961 году совершил очередной побег и в том же году (как раз исполнилось 14 лет – с этого возраста в России судят) был пойман с поличным за карманную кражу и осужден на три года. Во время отбывания наказания в ВТКН (воспитательная трудовая колония для несовершеннолетних) общего режима, был осужден на спецусиленный режим для малолетних преступников. Колоний со спецусиленным режимом в СССР было две. В Нерчинске (Читинская обл.) и Георгиевске (Ставропольский кр.). Прибыв в Нерчинск, продолжал нарушать режим содержания.

Так, пробыв в колонии около года, с группой единомышленников, забаррикадировавшись в одной из камер, совершил поджог барака, где содержались заключенные. За данное нарушение был этапирован в Георгиевск. Откуда и освобожден в 1964 году. Пробыв на свободе около года, вновь оказался в местах лишения свободы, и вновь за карманную кражу. На этот раз, в колонии общего режима для взрослых, в городе Баку, пришлось отсидеть три года. Освободившись в начале 1968 года, в конце того же года, был вновь осуж-

ден за карманную кражу, и вновь на три года. На этот раз оказался на усиленном режиме в городе Архангельске. После освобождения, в 1971 году на свободе погулял несколько месяцев и вновь оказался за решеткой за карманную кражу на два с половиной года. На этот раз местом заточения был город Орджоникидзе (Владикавказ). Освободившись в июне 1974 года, через три с половиной месяца впервые оказался в Бутырской тюрьме. И вновь за карманную кражу. На этот раз срок был четыре года. В Коми АССР, где пришлось его отбывать, совершил побег, за что добавили еще год, а в 1977 году, за бунт на Свердловской пересылке, добавили еще два года.

Таким образом, отсидев семь лет, освобожден в 1981 году. После чего пробыл на свободе пять лет, до 1986 года. В 1987 году Бакинским городским судом был приговорен к расстрелу, за несколько убийств. Просидел в камере смертников шесть месяцев без трех дней был освобожден в 1988 году. (Случайно, были пойманы настоящие убийцы). Следующий срок получил уже в марте 1996 году, когда второй раз оказался в знаменитой Бутырке. После двух лет, непосредственно проведенных в тюрьме, и шести месяцев в туберкулезном лагере города Киржач, в сентябре 1998 года освобожден, но пробыл на свободе несколько месяцев. Еще год провел в тюрьме Махачкалы, откуда освобожден в 1999 году.

В этом же году был вынужден уехать из страны. Жил в

Египте, точнее, в туберкулезном санатории в трехстах километрах от Каира (оазис Эль-Хара). Подлечившись, побывал почти во всех странах Европы. После написания первой книги («Бродяга»), в 2001 году был приглашен в страну. С тех пор вышли в свет книги «Бродяга», «Записки карманника», «Бандитская Махачкала». В 2014 г. было издано уникальное в своем роде исследование «Русскоязычный жаргон. Историко-этимологический, толковый словарь преступного мира» и документальный роман «Воровская трилогия». Является членом Союза журналистов России с 2003 года. Членом Союза писателей России с 2006 года. Редактор отдела криминальных проблем еженедельника «Молодежь Дагестан».

В отличие от ранее опубликованных книг, в «Записках карманника» автор сконцентрировал своё внимание на отдельных рассказах, которые не вошли в предыдущие книги. Это увлекательный, с точки зрения жанра, экскурс в прошлое, в котором переплелись непростые судьбы людей и разные по значимости события, оставившие неизгладимый след в жизни каждого из них.

Перед глазами старого вора, отошедшего от дел, как в жестокое зеркале, мелькают минувшие дни, годы, проведенные в тюрьмах и лагерях, друзья и недруги. Вот прошедший через все круги тюремного ада узник сводит счеты с надзирателем-садистом. А многоопытный зэк, отмотавший полжизни на дальнем колымском лесоповале, становится фермером в благополучной Канаде. Еще виток памяти – и юный За-

ур Золоторучка потешается над кознями бакинских барыг. В долгие тюремные ночи можно проиграть в карты все, но можно и выиграть многое... честь, свободу... и даже саму жизнь. Беспощадный рок, насилие, страх и отчаяние преследуют узника, но несломленный дух и вольное сердце не дают ему упасть, удерживая на краю, давая шанс при любых невзгодах остаться человеком.

Не лишним будет еще раз подчеркнуть, что, как и в трилогии «Бродяга», все персонажи в «Записках карманника» подлинные, так же как и события, которые соответствуют действительности.

Борода

*Подобно тому, как памятники на могилах
обрастают ползучими растениями, так и
наше воспоминание о друзьях обвивают высокие
умиротворяющие мысли; ибо для наших друзей нет
места на кладбище.*

Г. Торо

Нещадно палящее солнце субтропиков, будто огненный шар Апокалипсиса, медленно надвигалось на землю, чтобы испепелить все вокруг. Казалось, что каждый из тех, кто отдышал в тот момент под сенью экзотической зелени средиземноморского побережья Анталии, изнемогая от жары и зноя, мечтал о хорошей грозе с дождем и громом или, на худой конец, о дуновении хотя бы легкого бриза с моря, но, увы, природа никак не решалась расщедриться на подобную милость. Дым от горящего вдали мангала, над которым возился старый турок, то и дело крутя шампуры, жаря шашлык, стоял столбом и исчезал где-то далеко вверх у, в раскаленном небе.

Не было слышно даже привычного и радующего слух многоголосья райских птиц. Все будто вымерло кругом, и лишь доносившийся издали шум прибоя да частый треск поленьев сухой чинары в мангале, от которого шел аппетитный аромат мяса и восточных специй, нарушали эту знойную тишину и

умиротворение.

Я нежился, удобно примостившись в гамаке под стройной и высокой пальмой, зонт из зелени которой, тенью падая на шикарный травяной ковер, образовывал небольшое убежище от зноя, и невольно вспоминал Север, тайгу и почти такой же гамак. Правда, тот гамак был сооружен из нескольких старых простыней, привязанных к двум кедром. Ничего не скажешь, воспоминания – упрямая вещь, подумалось мне тогда, да и полезная к тому же. Они никогда не позволяют человеку излишне расслабиться.

Пять лет напряженного труда над книгами и нервы, издерганные воспоминаниями о прошлом, все осязаемое давали о себе знать. Стало пошаливать сердце, подниматься давление, открылись старые тюремные болячки, так что я решил на время бросить все и немного отдохнуть.

Разбогатеть, к сожалению, мне пока еще не удалось, поэтому и пришлось выбрать местом для своего отдыха относительно недорогую Турцию, о чем, кстати, в дальнейшем я ни разу не пожалел. Не все то золото, что блестит.

Этот райский уголок природы, а точнее – пляж, расположившийся на берегу лагуны, носил не менее экзотическое название, чем царившая в нем растительность, и назывался «Клеопатра». В данном случае турки как нельзя лучше почувствовали связь между далеким прошлым и настоящим, безусловно попав в самое яблочко. Ибо, видит Бог, будь жива владычица Древнего Египта, она, несомненно, одобрила

бы это название. Тонко и со вкусом подобранный интерьер маленьких и удобных бунгало, схожих с жилищами древних египтян, комфорт и доброжелательность обслуживающего персонала здесь были на самом высоком уровне. Чего большего можно было желать человеку, привыкшему в основном к тюремной камере, нарам, да обслуживанию баландера с лепилой? Да, о такой жизни всегда мечтали и сколько еще будут мечтать не только бродяги с четвертаком за плечами, но и любой заключенный, прошедший хоть несколько лет за решеткой. Немудрено, что я от души наслаждался благами, посланными мне Всевышним, млел от удовольствия и, потихоньку покачиваясь в гамаке из стороны в сторону, не сводил глаз с милой и очаровательной гречанки.

Таких красавиц, подобных самой Афродите, мне доводилось встречать нечасто. Стройная, как кипарис, с водопадом блестящих, ниспадавших к самой земле, длинных черных волос, она была похожа на живую богиню. В какой-то момент я поймал себя на том, что не просто разглядываю ее, но силюсь что-то или кого-то вспомнить. Именно это и не давало мне покоя, но почему, трудно было понять сразу. Вдруг шальная мысль молнией пронеслась и вторглась в мозг. Мой разум, как в кино, кадр за кадром, стал прокручивать какие-то отдельные эпизоды прошлого, и наконец я все понял.

Мое внимание привлекла вовсе не сама женщина, а сидевший рядом с ней ее друг. Некоторое время я буквально не находил себе места, силясь вспомнить, на кого же он был

похож, но, увы, память, как ни странно, на этот раз отказала мне в милости, и я бросил эту затею.

Так прошел бы и этот день, ничем не отличавшийся от многих ему подобных, если бы вечером в баре на берегу залива я вновь не повстречался с этой парой. Я тут же вспомнил, кого напомнил мне этот молодой человек. Хотя слова «напоминал» или «был похож» не отражают сути: это был настоящий двойник моего старого друга, которого я не видел уже в течение многих лет. Меня даже в пот бросило от такого неожиданного открытия, но я тут же постарался скрыть свое удивление. Изъясняясь «по-рыбьи», как я умел это делать тогда, когда того требовали обстоятельства, я пригласил молодежь выпить со мной по бокалу шампанского, ссылаясь на то, что я оказался здесь совершенно один и мне не с кем разделить горечь тоскливого одиночества. Молодые люди переглянулись и, улыбнувшись друг другу, молча согласились. Этот изумительный вечер на берегу залива в приятной компании юных потомков древних эллинов и навеял одно из множества воспоминаний о моей шепутной и бродяжьей жизни.

* * *

Случай этот, так неожиданно-негаданно пришедший мне на память в тот бесподобный южный вечер, произошел в далекой России чуть более двадцати лет тому назад, в городе, где

я родился. По большому счету, Махачкалу тех лет и городом-то назвать было трудно. Это был маленький провинциальный городишко с двумя жилыми районами – Советским и Ленинским – и одним городским отделом милиции на Пушкинской, 25. Но местная шпана, когда дело того касалось, с уважением и босяцкой гордостью называла его городом без фраеров. Не прошло еще и месяца с тех пор как я освободился и, прежде чем вновь усвоить хитрую игру легавых в кошки-мышки и войти в обычную воровскую колею, я бродил по «хлебным» местам: по старой ещё автостанции, по второму рынку и вокзалу, ездил с поднятыми руками на самых понтовых садильниках, как бы присматриваясь к обстановке, делая для себя выводы и строя планы на будущее.

Как назло, на мусорском олимпе республики произошли к тому времени значительные перемены. Дело в том, что, как только в МВД Дагестана менялся министр (а в тот раз, буквально перед моим освобождением, у штурвала этого никогда не тонущего корабля генерала Рытикова Ю. А. заменил такой же генерал Титаренко И. Д.), вместе со старым хозяином уходило и большинство его приспешников. А новая метла, как известно, всегда метет по-новому, начиная с самого верха и кончая закутками внизу. Так что была не исключена очередная килешовка. Но вновь заступившим работникам нужно было какое-то время, чтобы успеть освоиться, занять полагавшиеся им по жизни ниши, а главное, установить для населения новый «тариф на услуги».

Что касается воров-карманников, то их плодотворная деятельность была для ментов настоящим золотым прииском и кормила, как минимум, четверть всего аппарата уголовного розыска. По неписаному закону того времени, если только что освободившийся карманник не хотел тут же возвратиться в тюрьму, воровать без разрешения легавых на подвластной им территории – то есть на тех хлебных местах, о которых я упомянул, – он не мог. «Мочить рога» я, конечно же, не собирался, поэтому мне не оставалось ничего другого, как терпеливо ждать, что в самом скором времени, разобравшись со своими проблемами, новые мусора все же дадут мне добро на воровство.

Какова же была эта процедура, предшествовавшая «выходу на лед»? Карманники старались оказаться в местах, наиболее подходящих для выуживания денег из чужих карманов, но и менты-тихушники пытались попасть туда с не меньшим рвением. Расчет и у тех и у других был прост. Там, где удавалось больше украсть вору, конечно же могли урвать большую мзду мусора. Поэтому в такие районы посылали тихушников, у которых не только был уже немалый оперативный опыт, но и хватка настоящих легавых псов – верных и преданных своим хозяевам с большими погонами.

Они могли сами, на местах, решить любую возникавшую проблему. Лишь ими определялось, кому будет дозволено красть на их территории, а кто будет лишен такой милости, кого из числа карманников нужно будет арестовать за

несанкционированное появление в запрещенных для них местах, а кого просто предупредить.

Критерии отбора кандидатов из числа карманников на разрешение воровства в «хлебных» районах у мусоров всегда оставались неизменными. Помимо того что «втыкала» должен был уметь хорошо воровать, его репутация в воровском мире обязана была быть безупречной. Менты прекрасно понимали, через какие тюремные препоны и пересыльно-лагерные сита проходят воры, мучаясь и страдая, но всегда стараясь сохранить свое честное имя, и какие последствия остаются после всех этих экзекуций. «Отсидели свой срок с достоинством – мы только рады этому, – как бы говорили легавые. Пожалуйста, злачные места для вас открыты, воруите себе на здоровье там, где это позволено далеко не каждому. Отстегивайте нам и выделяйте сколько хотите на свой воровской общак. Не вступайте в то, во что не нужно вступать, попадая в стремные ситуации, и живите в свое удовольствие на свободе».

Эти слова смело можно было написать на флаге тихушников, если бы таковой существовал, ибо они были их неизменным девизом, что-то вроде воззвания к крадунам. Что характерно, они почти не противоречили законам, царившим в преступном сообществе бродяг. По сути дела, со всей серьезностью вникнув в глубину воровской идеи, мусора уже тогда прекрасно поняли почти совершенную систему отбора кандидатов из числа босоты в элиту преступного мира,

то бишь, в клан воров в законе, и в своих личных целях взяли этот воровской опыт себе на вооружение. Правда, мен-ты несколько переиначили его, но смысла своего он от этого не потерял. Мусора умудрялись до такой степени подражать блатным, что, как в шутку говорили сами босяки, из них некого было даже на х... послать.

Что же касается тех ширмачей, которые по тем или иным причинам не вписывались в эту мусорскую схему отбора, то они «тычили» там, где им заблагорассудится. Риск запала при этом у них конечно же возрастал, да и денег попадалось намного меньше, но что поделать, такова была жизнь. Всем приходилось выбирать, кем быть: либо «грешными по жизни», либо «щипачами-верхушниками».

Некоторым читателям, не знающим опасных воровских закоулков и не искушенным в сложных коррупционных лабиринтах уголовного розыска, такой расклад по ту и другую сторону преступного мира (а под «другой стороной» я, конечно же, подразумеваю правоохранительные органы) может показаться не вполне реальным, но все происходило именно так, а не иначе.

Сейчас, в наше время, я частенько встречаюсь с некоторыми людьми из числа бывшей махачкалинской шпаны, старыми ширмачами, прошедшими почти весь тот путь, о котором я писал в своих книгах. Их остались уже единицы. Кого-то съела чахотка, кто-то умер от передозировки наркотиков, кто-то по-прежнему сидит в лагере или тюрьме, так и

не сумев переквалифицироваться и приспособиться к требованиям нового времени, а кто-то и вовсе навсегда покинул страну. Но, как бы там ни было, те, кто остался в живых, конечно же, помнят то шебутное время и сами могут рассказать о нем немало интересных историй, и, наверное, не хуже меня. Впрочем, все это почти в равной степени относится и к легавым. Правда, и из их числа многие тоже померли, туда им и дорога, ну а некоторые тормознулись благодаря колоссальной поддержке своего родственного или национального клана. Такие не просто остались в органах, но и умудрились даже подняться на невиданные доселе высоты. Но все они как были, так и остались марионетками. Впрочем, иные ушли из этой структуры с высоко поднятой головой, как и подобает честным и порядочным людям. Рассказ этот напрямую связан с одним из таких работников уголовного розыска.

В рядах этих самых «правоохранительных органов» не все было спокойно. К сожалению для одних и к счастью для других, не все были одинаково продажны. Иначе бы это был феномен, противоречащий всем законам природы.

Совестливым оперативникам поручались, как правило, самые запутанные дела, не сулящие никакой выгоды. Им вменялось в обязанность просиживать на разного рода собраниях и никому не нужных сборищах дегенератов из МВД, активно участвовать в «общественной жизни», выпускать стенгазеты и заниматься прочей белибердой. Их постоянно

пытались спровоцировать на тот или иной неверный шаг, подсылая продажную пададь как из числа ренегатов преступного мира, так и из своих мусорских резервов. В общем, старались сделать все возможное, чтобы дискредитировать этих честных людей в глазах общества, сделав их, таким образом, похожими на подавляющее большинство. К сожалению, эти происки удавались чаще, чем хотелось бы. Но согласитесь, ведь очень сложно, пожалуй, почти невозможно порядочному человеку прожить среди стервятников.

Но иногда коса находила на камень и ломалась. Шаткое положение честных мусоров можно было сравнить разве что с малолеткой или, того круче, с воровскими «ломками». Там тоже мучили людей и издевались над ними до тех пор, пока те не сдавались или, что бывало значительно реже, не отстаивали свои принципы, свою идею. Но если эти избранные легавые все же проходили через все «прожарки» своих старших коллег по ремеслу и не сдавались, их не просто оставляли в покое, их начинали уважать. А это обстоятельство, смею заметить, в любом из отделов уголовного розыска было не просто важно, а крайне необходимо.

В то время, о котором идет речь, проблема с карманниками в Махачкале вышла за все рамки дозволенного, поэтому в МВД Дагестана был открыт особый отдел по борьбе с карманниками, и на этот раз его возглавил некто Абдуразаков – грубый циник, похожий на гиену. Что же касается УУР (Управление уголовного розыска) республики,

то руководил им в то время полковник Валиев. С ним я виделся всего несколько раз, да и то встречи наши были непродолжительны и носили «деловой характер», поэтому и говорить о нем что-либо существенное, думаю, я не вправе.

Как правило, каждый будний день после утреннего схода, или как он там у них назывался – «планерка» или «совещание», из здания МВД стайками выбегали легавые псы на охоту в город. Они тоже работали бригадами по двое или по трое, и было таких бригад в городе не менее десяти. Так вот, в одной из этих троек и находился герой моего рассказа.

Он был тезкой моего отца, звали его Магомед, и уже одно это обстоятельство заставляло меня относиться к нему если не с уважением, то хотя бы без презрения. Вообще-то, по имени его мало кто называл, в основном дразнили по погонылю Борода, хотя бороды, насколько я помню, он никогда не носил. Не знаю даже, кто и с какой целью дал ему такое прозвище – преступники или сами легавые. Окончив астраханскую школу милиции, он, вернувшись в Махачкалу, поступил в университет на заочное отделение юридического факультета. Проработал год в уголовном розыске Ленинского районного отделения милиции, а затем его перевели в МВД, в тот самый отдел по борьбе с карманниками, о котором я уже упоминал. Вот в связи с этим обстоятельством мы и познакомились с ним вскоре на одном из «садивников» города.

Это был молодой человек, немного старше двадцати лет,

среднего роста, крепкого, я бы даже сказал, атлетического телосложения и довольно-таки приятной наружности. Характерной особенностью было то, что с его лица почти никогда не сходила улыбка. Даже когда он злился на кого-то из крадунов и предупреждал его о том, что если поймают с поличным, то непременно посадит, он все равно старался говорить это с улыбкой, как бы давая понять, что сам по себе он человек жизнерадостный и дружелюбный, но закон есть закон, и он не вправе его нарушать. И, честное слово, за порядочность и откровенность его уважали все без исключения. В общем-то, он был добрым малым и, как показало время, честным человеком.

Пять дней в неделю почти все махачкалинские ширмачи начинали свой рабочий день с «утренника», впрочем, почти точно так же, как и их противники – тихари, правда, с одной оговоркой. Дело в том, что рабочий день у всех легавых начинался, как положено, в девять утра, конечно же, никому из них и в голову не приходило следить и лазить за щипачами, спозаранку по переполненным автобусам и троллейбусам Махачкалы. Слежка за карманниками и их аресты не являлись какими-то особо важными заданиями, ради которых стоило так напрягаться. Это была постоянная рутинная работа мусоров. Просто, как говорится, кто рано встает, тому Бог подает, – и, к слову сказать, подавал Он им немало. Что же касается суббот и воскресений, то на выходные стопы избранных «втыкал» устремлялись на толкучки Дагеста-

на и Чечни – в Хасавюрт, Дербент, Айябазар, в Хошгельды и Шали.

К тому времени, о котором идет речь, я уже успел выправить ксивы и решить проблемы, связанные с моим существованием на свободе, и наверстывал упущенное в тюрьме время, пропадаая на садильниках и толчках с утра и до самого вечера.

Тот день я помню, как сейчас. Это был понедельник – единственный день в неделе, когда я мог позволить себе чуть-чуть расслабиться под теплым одеялом и проспять больше обычного. Тем более что на дворе стояла отвратительная, пасмурная погода: дождь, ветер и слякоть – обычное махачкалинское ненастье, характерное для этого времени года. Я как раз немного занемог. Старая лагерная чахотка давала о себе знать, и поэтому, укутавшись в теплую материнскую шаль, я лежал на диване, безучастный ко всему, и смотрел в экран телевизора. В таком подавленном состоянии, как правило, все вокруг бывает человеку безразлично, ничего не хочется делать, а видеть кого бы то ни было – тем более. Чахотка как бы съедает тебя изнутри, нашептывая своим прокуренным и омерзительным голосом: «Все твои усилия в борьбе за жизнь напрасны, ты все равно не жилец на этом свете». В общем, я пребывал в глубокой депрессии, когда вдруг в дверь позвонили.

Незваными гостями в моем доме могли быть разве что мусора, и я с головой спрятался под теплой накидкой, как буд-

то она в тот момент могла спасти меня от легавых. Я закрыл глаза – так было лучше и привычнее слышать, что творится за закрытой дверью в коридоре, – и стал, как обычно, ждать непрошенных посетителей. Но, слава Богу, на этот раз пронесло. Я не услышал привычного ворчания матери, шума и гама детворы, которые всегда сопровождали прибытие легавых.

Нет, ничего этого не было. Мать разговаривала с кем-то как обычно – ровно и спокойно, безо всякого кипеша. Я подумал было, что пришла одна из ее подруг или соседка. Но каково же было мое удивление, когда, потихоньку открыв дверь в комнату, я увидел весьма симпатичную и стройную голубоглазую блондинку. «Здравствуйте», – проговорила она приятным, ласковым голосом, всего лишь раз взглянув на меня, а затем потупив взор, очевидно стесняясь моего наглого разглядывания.

Женщина присела на самый край кресла, предложенного ей матерью, грациозно повернула голову к окну и стала терпеливо ждать, пока я приведу себя в порядок. Я вскочил как ужаленный, будто и не болел вовсе. И откуда только силы взялись? Для матери это обстоятельство, конечно же, не могло пройти незамеченным. Она слегка покачала головой, как бы укоряя меня в чем-то и извиняясь перед девушкой. Оставив нас вдвоем, она молча вышла на кухню. Я тоже в свою очередь попросил у незнакомки прощения за свой наряд и проговорил какие-то второпях составленные дежурные фра-

зы. Наскоро приведя себя в порядок, я сел на диван и стал наблюдать за ней. Удобно расположившись в кресле, положив на колени красивую белую сумочку, она глубоко погрузилась в себя, разглядывая расплывчатые узоры на стекле.

Судя по внешности и манере держать себя, передо мной, безусловно, была женщина из хорошей, да к тому же еще и состоятельной семьи. Об этом свидетельствовал ее строгий, но весьма дорогой наряд – брючный костюм модного покроя и белоснежная шелковая блузка ручной работы с высоким стоячим воротничком. Отдыхавшие на подлокотниках кресла, изящные, холеные руки с нанизанными на пальцы перстнями говорили о том, что ничто человеческое ей не чуждо. Прямая и гордая осанка, высокий лоб и задумчивый, я бы даже сказал, какой-то загадочный вид довершали картину.

После несколько затянувшейся паузы мы познакомились. Нелли, а именно так звали эту прекрасную незнакомку, была наполовину гречанка, наполовину русская. Коротко объяснив цель своего визита, она открыла сумочку, достала из нее письмо и протянула его мне с таким видом, будто в нем заключался весь смысл ее жизни.

Говоря откровенно, в тот момент я еще толком ничего не понимал. Пробежав протянутую записку, я сразу и не сообщил, от кого она, но вида, конечно же, не подал. Я заставил себя задуматься и, прочитав послание еще несколько раз, наконец, догадался. У меня как будто огромный груз упал с плеч.

Видел бы кто-нибудь, какими глазами смотрела на меня в тот момент эта молодая особа, как она была возбуждена и как любила! Можно было лишь позавидовать тому счастливцу, на котором она остановила свой выбор.

Слава Богу, память не подвела меня и на этот раз. Все сколько-нибудь существенные события, такие, например, как борьба с активистами на малолетке, а также лица и имена босяков, которые в ней участвовали, она всегда цепко удерживала в моем сознании. Только теперь, после ее рассказа и чтения этого любовного и драматичного послания, мне стала понятна вся сложность создавшейся ситуации и то значение, которое придавала всему написанному Нелли.

Письмо это было от человека, которого я не видел почти два десятка лет. Был у меня земляк у хозяина, когда я еще четырнадцатилетним пацаненком только-только начинал отбывать свой первый срок на малолетке. Кличили его Чапик. Я даже настоящего имени его не знал, отчего и прочел маляву несколько раз, не въехав сразу, от кого она. Парнем он был неплохим – дерзковатым в меру, но уважительным и добрым малым, да и воевал с активом не меньше нашего, это я помнил точно. Но в тюрьме он был случайным пассажиром. Его счастьем было то, что сроку ему дали – всего год. Это обстоятельство и спасло его от многих неприятностей и бед, которых мы с корешами, к сожалению, не смогли избежать.

Я слышал, что, откинувшись после малолетки, он поступил в какой-то столичный институт. Других сведений о нем

у меня не было. И вот – на тебе, объявился, да еще таким странным образом!

Нелли рассказала мне, что они с Игорем, то бишь с Чапиком, познакомились еще в Москве, когда он, закончив экономический факультет МГУ, работал в какой-то престижной конторе, а она доучивалась там же, только на юридическом факультете. Его родители были достаточно состоятельными людьми, что позволило ему получить приличное образование, иметь хорошую работу, любить красивую женщину и ни в чем себе не отказывать. Но на их пути возникло труднопреодолимое препятствие – родители Нелли, точнее, ее отец.

Как правило, в нашей суетной жизни беда в одиночку не ходит. Незадолго до того, как должны были разрешиться проблемы со свадьбой, Игоря неожиданно постигло страшное горе. Погибли его родители вместе с младшей сестренкой и тетей. Все они гостили у бабушки Чапика в Ташкенте и, возвращаясь домой в Махачкалу, разбились на самолете где-то в горах Кавказа. Я помнил тот случай. В этом самолете тогда погибла вся ташкентская футбольная команда «Пахтакор».

Такое несчастье может свести с ума кого угодно, только каждый переживает удары судьбы по-своему. Чапик, к сожалению, запил и стал завсегдатаем сначала дорогих ресторанов, а потом и сомнительных забегаловок. В конце концов такая жизнь снова привела его на скамью подсудимых. Ему

дали несколько лет, и уже в лагере со временем сердце его оттаяло ото льда отчужденности и недоверия и он, наконец, пришел в себя. Но в то роковое для них обоих время Нелли, потеряв всякую связь с любимым и отчаявшись бороться с обстоятельствами, успела выйти замуж по настоянию и выбору родителей и в том же году разойтись. Кстати, я сразу обратил внимание на то, что обручальное кольцо у Нелли было надето на безымянный палец левой руки.

Когда Игорь откинулся, они наконец встретились вновь и решили, что теперь это уже навсегда.

К тому времени Нелли работала старшим следователем прокуратуры РСФСР, которая находилась на Кузнецком Мосту. Она помогла Игорю восстановиться на прежней работе, благо он был там когда-то на хорошем счету. В тот момент уже не существовало родительского запрета, горе и одиночество уже не томили их сердца, воцарились любовь и понимание.

Казалось, что наступили наконец безоблачные дни, но злой рок по-прежнему преследовал их и, затаившись, ждал лишь удобного момента, чтобы вновь напомнить о себе.

Уже довольно долго они жили вместе где-то в Кунцево и подали заявление в ЗАГС, собираясь во время летнего отпуска расписаться и уехать на бархатный сезон куда-нибудь на юг, но судьба распорядилась иначе.

В Махачкале младшая сестренка Нелли выходила замуж. Не поехать к ней они, конечно же, не могли. Поэтому, приго-

товив необходимые подарки и отпросившись с работы на какое-то время, Нелли с Игорем вылетели в столицу Дагестана. Здесь на свадьбе и произошел тот случай, который перечеркнул все планы этой прекрасной пары и на долгое время лишил их возможности не то что общаться, но даже и видеть друг друга.

Женщины такой своеобразной красоты, такого ума и интеллекта, каким обладала Нелли, всегда были предметом поклонения и восхваления, причиной множества ссор и даже кровопролитных войн не только у мужчин Кавказа, но и среди всей сильной половины рода человеческого. Что же тут говорить о Дагестане? Но поклонение прекрасной даме, ее очарованию и душевной тонкости – и бычье, упрямое стремление обладать ею насильно, лишь только потому, что ты богат и имеешь много влиятельных родственников, согласитесь, абсолютно разные вещи.

В общем, на свадьбе Игорь сцепился с тремя подонками. Его дважды ударили ножом, но и он не остался в замазке, успев садануть осколком бутылки одного из нападавших, как раз того самого норовистого хама, который умудрился порвать на Нелли платье. И саданул по-хозяйски, так, что мразь эта почти полгода провалялась в больнице.

И снова тюрьма, следствие и суд, который первоначально приговорил его к восьми годам особого режима. Но через некоторое время все же состоялось повторное слушание. Множество свидетельств в пользу осужденного и день-

ги, данные на лапу судье с прокурором, сделали свое дело, и ему скинули не только пять лет, но и изменили режим с особого на строгий.

Все это время, больше года, Игорь находился в махачкалинской тюрьме. За это время Нелли успела родить ему двойняшек – мальчика и девочку и жила, будучи в декретном отпуске, в Махачкале, чтобы быть поближе к любимому. Когда же его отправили на этап, она вернулась в Москву.

На этот раз судьба забросила Чапика подальше, чем в прежние годы, и он очутился в одном из лагерей Алтайского края.

У человека, постоянно живущего на свободе, постепенно складываются свои взгляды на жизнь, ничего общего не имеющие с тюремными представлениями. Совсем другое дело, когда он попадает в неволю. В заключении мировоззрение каторжанина меняется буквально на глазах. И это в принципе нормальное явление для дилетантов, случайно связавших свою жизнь на какое-то время с преступным миром. Ну и, само собой разумеется, если человек не так далек от законов этого самого преступного мира и отнюдь не дилетант в тюрьме, то, попав за решетку, он в первую очередь интересуется теми из бродяг, с кем ему приходилось когда-то чалиться вместе.

Так случилось и с Чапиком. Оказавшись за решеткой, он почти произвольно стал «пробивать» у каторжан о своих старых знакомых босяках и таким образом узнал и обо мне:

где я, какой образ жизни веду, на каких ролях пребываю в преступном мире. И вот, через несколько проведенных в лагере лет произошло непредвиденное, и он вспомнил обо мне еще раз.

Представляете, человеку остается до свободы несколько месяцев – и тут какая-то мразь повязочник достает его так, что он не выдерживает наглости и издевательств провокатора и разбивает ему макитру табуреткой. Козел с сотрясением мозга попадает в лазарет, тем самым набрав очки у начальства, а Чапика после карцера водворяют в камеру под раскрутку, откуда он и пишет маляву своей благоверной.

Бывает порой в нашей жизни, что никакого терпения и выдержки не хватает обуздать свой ретивый нрав, свои эмоции и порывы, направленные против коварных замыслов негодяев. Да, я прекрасно понимал Игорька, читая его ксиву, и вся вина происшедшего живо представала передо мной. Знал я, конечно же, и то, что мусора лагерные могут достать так, что и за день до обретения долгожданной свободы совершишь то, что сделал этот человек. Я и сам ведь когда-то был на его месте. В ксиве Чапика было несколько строк, адресованных лично мне.

«Заур, бродяга, здравствуй! Знаю, что если это письмо попало в твои руки и если ты не на смертном одре, то поможешь моей жене во всем, в чем сможешь. Заранее тебя благодарю. Бог вам в помощь! С уважением Чапик».

Знаете, что перво-наперво пришло мне в голову после то-

го, как я все уже решил для себя? Я от души позавидовал этому парню. Ну что же я мог еще предпринять при таком раскладе, как не готовиться тут же в дорогу? Благие дела ждали меня впереди.

Нелли прибыла в Махачкалу с тем, чтобы оставить детей у матери, взять денег для отмазки Игоря и со мной или без меня тронуться в путь. Пока ей везло. Карта, легшая в масть, как мне казалось, могла послужить неплохим стимулом для убитой горем и почти отчаявшейся матери двоих грудных детей. А в том, что это было именно так, я догадался сразу, но вида, конечно же, не подал. Для меня, сотни раз видевшего на лицах дорогих мне женщин страдание, горе и отчаяние, это было более чем очевидно, и любые слова здесь были излишни. Но вместе с тем по поведению этой женщины, по ее манере держать себя и выражать свои мысли посторонний наблюдатель не смог бы заметить и капли сомнения или отчаяния. Она была гордой и независимой в своем горе и не искала жалости и сострадания. И это не могло не внушать к ней уважения всех мужчин, с которыми ей приходилось иметь дело в тот момент, начиная с родного отца и заканчивая лагерным кумом, который позже встретился нам на вахте, у ворот колонии. Хотя мужчиной его можно было назвать лишь только потому, что он носил брюки галифе и огромную форменную фуражку, всю в следах от птичьего помета. После того как все вопросы с отъездом были решены, Нелли на минутку вышла из комнаты в коридор, а затем, вернувшись с

большим бумажным пакетом, не высыпала, а буквально вытряхнула его содержимое на диван.

«Как вы думаете, Заур, этого хватит?» – спросила она, улыбаясь и одаривая меня при этом добрым и наивным взглядом восточной принцессы. Сказать, что я был удивлен увиденным, значит не сказать ничего. Да и было отчего. Двадцатипяти-, пятидесяти- и сторублевые пачки в банковских упаковках, перехваченные поперек белой бумажной тесьмой, были сложены, будто дрова для костра. Говоря откровенно, я впервые видел женщину, так открыто пренебрегающую деньгами, ради которых я всю жизнь рисковал буквально всем, что может быть дорого человеку в этой жизни. Я неспеша и ласково, как собственных детей, пересчитал лежащие на моем скромном ложе банковские билеты. Набралось ровно тридцать тысяч рублей. Для того времени это была огромная сумма, Думаю, достаточно будет вспомнить, что обыкновенный «жигуленок», «шестерка», стоил тогда чуть больше семи тысяч.

«Вы, Заур, пожалуйста, прикиньте, что к чему, вам ведь лучше знать, – продолжала она, подождав, пока я пересчитаю все деньги. – Меньше всего вас должна беспокоить сумма. Если вы не уверены, что этого хватит, то скажите, сразу, не стесняясь. А то потом на месте будет поздно. Слава Богу, деньги у меня еще есть. Родители меня очень любят и не отказывают ни в чём».

«Да что тут прикидывать, Нелли? Хватит сполна, да еще

и останется», – ответил я не задумываясь, а про себя усмехнулся: «Да за такие деньги самый последний парчак на зоне мог бы поставить все лагерное начальство в шеренгу и поймать их по очереди, на глазах у собственных жен». Пока я, присев к столу с картой СССР и расписанием самолетов из московских аэропортов, прикидывал предполагаемый маршрут и приблизительное время пути, Нелли, взяв мой паспорт, продиктовала кому-то в телефонную трубку его серию и номер, а затем, видимо довольная ответом, попросила, чтобы я пригласил в комнату маму. Я позвал мать и вышел покурить на балкон, оставив женщин наедине. Уж и не знаю, о чем они говорили, но беседа их длилась долго, около часа, затем Нелли тепло попрощалась с нами, а особенно с матерью (они даже обнялись и поцеловались, как близкие родственницы), и уехала на ожидавшей ее у подъезда «Волге» с двумя обкомовскими нолями на госномере. До полуночи я готовился в дорогу, а мать по моему заказу сшила мне пояс в виде патронташа, с кармашками разных размеров для разных купюр – все деньги Нелли оставила у меня. Утром, как мы и договаривались, она заехала за мной на том же автомобиле, который и доставил нас в аэропорт. Судя по тому, что после одного-единственного ночного звонка у нас уже на следующее утро были два билета на первый рейс до Москвы, в то время как простые люди заказывали их минимум за месяц до вылета, мне же долгое время не нужно было беспокоиться о надзоре, можно было с уверенностью предположить,

что у Нелли были очень влиятельные родственники. Хотя об этом я догадался ещё накануне вечером, провожая её к машине.

Описание всего нашего пути из Махачкалы до лагеря, где находился Игорь, заняло бы очень много времени и места, поэтому я ограничусь малым. Перед обедом мы были уже в Москве, а ближе к вечеру вылетели из аэропорта Домодедово в Новосибирск. Ночь застала нас уже в поезде, следовавшем из Новосибирска в Барнаул, но и на этом наш путь не заканчивался. Утром, по прибытии в столицу Алтайского края, мы умудрились буквально на ходу вскочить в электричку, следовавшую до Горно-Алтайска и лишь к обеду прибыли в этот маленький, но довольно-таки красивый городишко. Только здесь мы немного перевели дух и отдохнули, если, конечно, хождение по базару и магазинам и затаривание всякой снедью можно назвать отдыхом.

Дело в том, что по моему настоянию выехали мы налегке, не считая кругленькой суммы в моем поясе да модной сумочки в руках у Нелли. Я слишком хорошо знал дорожно-баульную суету женщин-бедолаг, направляющихся в лагерь на свидания к своим родственникам. Они никогда не могли ограничиться малым, постоянно забывая что-то и распихивая это что-то по сумкам и сидорам. Таким образом, вместо разрешенных тогда пяти килограммов продуктов они везли с собой минимум пятьдесят, и поездка в лагерь им запоминалась на всю жизнь. Я уж не говорю о тех приключе-

ниях, без которых не мог обойтись ни один вояж подобного рода. Так что, здраво рассудил я, «кешара» нам будут только мешать в дороге, а хавкой можно и на месте отовариться, хватило бы лаве, а его-то как раз было в достатке.

Далее до зоны, около ста километров, нам предстояло добираться на автобусе, но мы могли позволить себе такси, что и сделали с превеликим удовольствием, ибо тянули к хозяину не просто «дачку», а вагон и маленькую тележку...

К сожалению, зачастую в нашей суетной жизни неудачи преследуют нас во всем. За что бы мы ни взялись, что бы ни пытались сделать, все напрасно. А бывает и наоборот, реже, конечно, но бывает. Так случилось и на этот раз. Как пошла масть с самого начала, так и баловала она нас все то время, что нам пришлось провести в этом Богом забытом месте.

Еще по дороге я выяснил у Нелли все, что мне необходимо было знать для осуществления наших замыслов. В частности, я узнал, что Нелли еще ни разу не была у Игоря на свидании. Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Так что мы начали свои действия с того, что Нелли подала хозяину зоны заявление о регистрации брака с Игорем.

Я рассчитал все правильно. Дело в том, что по тогдашним законам, где бы ни находился в тот момент заключенный: в карцере, БУРе или даже под раскруткой, если к нему приезжала женщина для того, чтобы расписаться, его выводили из камеры, регистрировали, как положено, в кабинете хозя-

ина и давали трое суток свидания. Не знаю, что за польза от этого была мусорам, но для нас лучшего нельзя было и придумать. Я сам когда-то прошел через такую процедуру в лагере с одной из своих «боевых подруг», поэтому мог себе представить душевное состояние Чапика.

Пока мы сначала несколько дней ждали работников городского ЗАГСа, а потом еще три дня эти голубки ворковали на личном свидании, я потратил время с большей пользой, чем, откровенно говоря, сам ожидал. Отмазать Игоря подчистую не представлялось возможным, так как его уголовное дело уже получило ненужную огласку в самом управлении и было взято на контроль. Поэтому я постарался купить всех лагерных офицеров, которые имели хоть какое-то отношение к этому происшествию, не говоря о непосредственных свидетелях, а затем отправился в Горно-Алтайск.

В городе я без особого труда разыскал судью, которая должна была через несколько дней председательствовать на процессе в зоне, и, отстегнув ей на клык такую сумму денег, от которой она никак не могла отказаться, еще раз убедился в верности пословицы, которая гласит: «То, что нельзя купить за деньги, всегда можно купить за очень большие деньги». Теперь оставалось только ждать.

Примерно через неделю после того, как Нелли посетила убогую комнату свиданий этой колонии, состоялся суд. Для пущей убедительности он продлился целых четыре дня. И нужно было видеть этот превосходно разыгранный спек-

такль! Были задействованы: профессиональный судья с ручными «кивалами», массовка, состоящая из лагерных офицеров, и сохатый чёрт с еще не зажившей, перевязанной башкой. Очень щедро оплаченное представление стоило потраченных денег. Действующие лица этой трагикомедии отработали свои гонорары сполна, и в результате уголовное дело против Игоря было прекращено за отсутствием состава преступления и его выпустили в зону. Потерпевший и свидетели изменили свои показания, ну а Игорь с самого начала был в несознанке.

После окончания суда, с разрешения все того же купленного судьи, мне удалось перекинуться парой-тройкой слов с Чапиком. Представляете, в каком он был настроении? Как был рад всему происшедшему и как благодарил меня? Он даже хотел имя, данное его сыну дедушкой, – Александр, поменять на мое – Заур, но я вовремя отговорил его, объяснив, что имя у нас меняют в том случая, если ребенок тяжело болен. Так что нечего гневить Бога! Конечно же, к такому аргументу он не мог не прислушаться.

Вот ради таких моментов, думаю, и стоит жить человеку на этом свете. Благородные порывы жиганской души никогда не требуют чего-то из ряда вон выходящего. Здесь нужна самая малость, всего лишь простое желание помочь ближнему. Тогда и судьба не преминет вам улыбнуться, будьте в этом уверены, я знаю, что говорю.

Все остальное – уже детали. Пробыли мы с Нелли в этом

поселке ровно двадцать один день. Я так хорошо запомнил эту цифру, потому что она напоминала название карточной игры. Как видите, результат нашего вояжа не заставил себя ждать слишком уж долго по лагерным меркам. Вот что значит, когда «масть катит в рыжей упряжке».

Перед отъездом, пока Нелли собирала нас в дорогу, я сделал все, о чем попросил меня Чапик: на случай шмона капитально затарился малявами в дорогу, сделал жиганский подогрев лагерной братве и купил для нескольких солдат и одного нужного босякам прапорщика всякой всячины, которая стоила приличных денег.

Через два дня, попрощавшись с Игорем и всей босотой лагеря еще раз с небольшого бугорка возле забора зоны, мы с Нелли тронулись в обратный путь. Преодолев огромное расстояние с севера на юг страны, уже через четверо суток мы вернулись в столицу Дагестана. В Москве, в Неллиной квартире, куда мы заглянули по дороге, чтобы привести себя в порядок, а главное, исполнить некоторые поручения Игоря, мы задержались на двое суток. За то время, пока я разъезжал по городу да наводил нужные «коны», Нелли побывала у себя на службе и позвонила в Махачкалу, порадовав своих близких. Поэтому в аэропорту уже стояла все та же черная «Волга» с обкомовскими номерами, которая и развезла нас по домам.

Настроение в тот момент у меня было превосходным, но, к сожалению, это продолжалось недолго, ибо именно с этого

дня масть для меня резко переменялась. Впрочем, к подобного рода нападкам судьбы, к ее крутым виражам и обрывам я был готов каждую минуту и почти никогда не расслаблялся, хотя, говоря откровенно, с каждым разом они становились для меня все круче и ощутимее и выбивали из привычного ритма жизни на все больший срок.

Меня не было в городе почти месяц. Вот за этот относительно короткий отрезок времени и произошло то событие, которое так неожиданно пришло мне на память в эту чудную анталийскую ночь.

Но все по порядку. Итак, до Нового года оставалось около двух недель. На следующее после приезда домой утро я собирался ехать в город за елкой. Накануне вечером, радуясь подаркам от тети Нелли, мои маленькие дочери буквально достали меня этой просьбой, но порадовать детей мне, к сожалению, так и не удалось. Не успел я расположиться за столом на кухне, как раздался звонок. Звонили моим «цинком», поэтому я и подумал, что пришел кто-то из корешей, и попросил маму, убиравшую в коридоре, открыть дверь. На этот раз на пороге я не увидел прекрасной незнакомки, да и кентов моих там тоже не было, зато там столпилось человек шесть, не меньше. Это были легавые, которых я не знал. Лишь один из них показался мне знакомым, он в дальнейшем и разговаривал со мной.

Сначала я даже рассмеялся им в лицо. Вы что, мол, «крестного отца» брать пришли? – подшучивал я над ними.

Но они не склонны были шутить, и это настроение поневоле передалось и мне. Ты где был, Заур? – на полном серьезе спросил меня один из них, пропустив мимо ушей мою иронию.

Уезжал по делам, – не задумываясь, ответил я, почувствовав в интонации легавого что-то неладное и спрятав на всякий случай свою улыбку подальше. – А что случилось?

Да нет, ничего, – ответил все тот же мент, как-то подозрительно переглянувшись с остальными. Он кивнул головой в сторону легавки: – Давай одевайся поживей, да пойдем, тебя уже целую неделю там ждут не дождутся!

Я, пожалуй, ненадолго прерву свое повествование и постараюсь объяснить читателю некоторые нюансы, связанные с подобного рода визитерами, и расскажу, с чем они у меня ассоциировались и что представляло собой это самое второе отделение милиции.

В то время в Махачкале, помимо городского отдела милиции, было еще три как бы «мини-отделения» милиции. Одно находилось в Первой Махачкале, напротив церкви (теперь это ГАИ Кировского района), третье отделение было в центре города (сейчас там находится народный суд Советского района), а второе отделение милиции на территории Пятого поселка, которое, к счастью, перестало существовать уже добрых полтора десятка лет назад. Так вот, это самое второе отделение милиции находилось прямо напротив моего дома, их разделял лишь детский садик да ряд гаражей.

Надо ли подчеркивать, что я в этом заведении не был редким гостем? Это маленькое и ветхое двухэтажное здание было для меня, пока я находился на свободе и в городе, вторым домом. В любое время суток и в любую погоду, по поводу и без такового, меня приглашали, но чаще доставляли туда в принудительном порядке как вора и нарушителя покоя граждан. Так что, если вдруг ко мне на квартиру заявлялся гонец в милицейской форме, ему никто в доме не удивлялся, а я, конечно же, и подавно.

Как правило, мент, которого посылали за мной, предупреждал меня о том, чтобы я явился в участок в назначенное время, и уходил. В крайнем случае, если мусор был новенький, он ждал, пока я соберусь, и мы отправлялись вместе. Не было случая, чтобы я убежал от конвоира или пообещал и, обманув, не пришел в назначенное время. Такие действия могли мне дорого обойтись. Дело в том, что в округе было несколько доверенных лиц, которые почти всегда могли договориться с сотрудниками – за определенную плату, конечно же, – о том, чтобы я остался на свободе или, на худой конец, чтобы мера наказания была смягчена. Подобная система «отмазки» в структуре правоохранительных органов страны практиковалась повсюду. От денег не отказывался никто.

Начальником второго отделения милиции был тогда Тагиров Роберт Гаджимирзоевич, далеко не глупый человек, хорошо понимавший менталитет своего народа и основные

принципы работы руководства МВД, которое предоставляло множество лазеек для обогащения своих подчиненных, но не прощало и строго карало за допущенные ошибки даже самых приближенных коллег. Как видит читатель, дуракам и идеалистам на руководящих постах делать тогда было нечего.

Ко мне Роберт был всегда снисходителен и относился с должным уважением, никогда не допуская ничего лишнего. Знали мы друг друга, можно сказать, с самого детства, да и жили по соседству. Так что визит ко мне на квартиру целой делегации мусоров, из которых я был знаком лишь с одним, да и то поверхностно, меня весьма удивил. Прекрасно зная повадки местных легавых, я, естественно, почуял в их поведении что-то неладное и призадумался. Хоть я и не чувствовал за собой никаких особых грехов, кроме разве того, что воровал безбожно, все же, коснись чего серьезного, я знал это наверняка, меня «загасят», даже не удосужившись собрать достаточного количества улик, доказывающих мою вину. И если впоследствии мусора все же выяснят, что я невинен, спешить с моим освобождением они не станут, а, скорее, сфабрикуют какое-нибудь уголовное дело за хранение наркотиков или оружия, да и дело с концом. Такова уж была повсеместная практика следственных органов по отношению к таким горемыкам, как я. Вот как я рассуждал в тот момент – и, как показало время, не без оснований. В общем, изменив своему обычному правилу, я на всякий случай оделся

по-спортивному, будто заранее знал, что мне придется рвать когти, и, настроив себя на небольшую разминку с бегом и взятием препятствий, молча последовал за мусорами.

Пройдя с таким почетным эскортом метров двести пешком и обогнув детский садик, уже через пять минут я был на месте, и здесь, в коридоре отделения милиции, меня ждал главный сюрприз этого дня. Когда мы вошли в здание, менты почему-то остались внизу, расположившись в дежурке, а я стал не спеша подниматься на второй этаж, где и находился кабинет начальника, к которому меня должны были доставить. Поднявшись по лестнице, я остановился, чтобы отдышаться. До двери его кабинета оставалось всего несколько метров. Справа и слева от нее был коридор, а напротив, тоже в нескольких метрах, стояло две скамейки, на одной из которых сидела молодая и привлекательная на вид девушка и смотрела на меня не отрываясь с таким нескрываемым бесстыдством, на которое способны одни лишь шлюхи и дурочки.

Через минуту, переведя дух, я хотел было уже взяться за ручку двери кабинета, как вдруг неожиданно почувствовал сильный толчок в спину: кто-то оседлал меня, как дикого мустанга, а через мгновение по моим бокам посыпались, как из рога изобилия, удары руками и ногами, сопровождаемые дикими криками и визгом. На какое-то мгновение я растерялся, но затем, сообразив, что верхом на мне девушка, которую я только что видел в коридоре, попытался по возмож-

ности мягко избавиться от нее, теперь уже несколько не сомневаясь, что она сумасшедшая, но не тут-то было. И если бы не мусора, прибежавшие снизу и с великим трудом оторвавшие ее от меня, не знаю, чем бы все и закончилось, ибо уже за это короткое время мои лицо и шея были исцарапаны в кровь, рубашка и свитер разорваны, а на кожаной куртке недоставало одного рукава. Это была не женщина, а настоящая пантера. Несколько ментов еле удерживали ее, пока она с нечеловеческим криком пыталась вырваться из их цепких рук и разорвать меня на части. Сказать, что я был обескуражен ее поведением, значит не сказать ничего, но самое главное в этой истории было еще впереди.

Еле оторвав от этой фурии, менты буквально втащили меня в кабинет, дверь которого уже давно была кем-то открыта, и, захлопнув ее за собой, удалились. Немного очухавшись и неспеша приводя в порядок свой изрядно потрепанный гардероб, я, не в кипеш, исподлобья косил взглядом на людей, находившихся в помещении, и бурчал, проявляя недовольство по поводу буйных идиотов, разгуливающих на свободе.

Сам кабинет я описывать не буду, – по всей стране они были в то время похожи друг на друга, как сиамские близнецы. В глубине стоял казенный стол, за которым восседал начальник отделения, еще несколько человек сидели в разных местах – кто у стены на стульях, а кто и рядом с хозяином кабинета, «Железный Феликс», как и было ему положено, висел за его спиной. Все присутствовавшие, не отры-

вая глаз, разглядывали меня, как бы изучая. Я почувствовал этот неподдельный интерес внутренним чутьем преступника, но не подал виду. Наконец тишину кабинета прервал его хозяин.

– Ты где был неделю назад, Заур? – сурово спросил меня Роберт.

– Уезжал, гражданин начальник, – лаконично ответил я, подчеркнуто называя его начальником при посторонних.

– А кто тебе разрешил покидать пределы города, находясь под надзором?

Я, естественно, не мог ответить на этот вопрос, поэтому, состроив виноватую мину, опустил голову и молчал.

– Ну ладно, с этим мы потом разберемся, – продолжал он. А можно узнать, куда ты ездил, с кем и зачем?

Эти вопросы, которые не были неожиданными, заставили меня на долю секунды призадуматься. Видно, сказалось нервное потрясение, которое я перенес минуту назад.

– Ездил в лагерь старого кореша повидать, – ответил я через минуту. – А с кем и зачем, не обессудьте, сказать не могу, – это не моя тайна.

– Посмотрите на него, какой джентльмен выискался!

– Придется сказать, Зугумов, еще как придется, – вдруг услышал я сбоку от себя хриплый и высокомерный голос, явно привыкший командовать. – Можешь в этом не сомневаться.

Я повернул голову в сторону говорившего. Это был груз-

ный мужчина высокого роста, с широкими черными бровями. Он почему-то напомнил мне в тот момент Карабаса-Барабаса из детской сказки. Хорошо еще, что у меня хватило ума не улыбнуться. Попытавшись внимательнее разглядеть это чудо природы, я с презрением окинул его взглядом голодного волка, а затем, приняв исходную позицию, ответил как можно спокойнее:

– Это не моя тайна, гражданин начальник, и отвечать на ваши вопросы я не стану.

Боров, разговаривавший со мной, встал и подошел ко мне вплотную, а я в тот ответственный момент даже не пошевелил головой. Как стоял, так и остался стоять на месте.

– Послушай меня внимательно, ублюдок, – продолжал он. – По большому счету меня не интересует, где ты был и с кем. Если у меня и были еще какие-то сомнения на этот счет, порожденные доводами начальника отделения, то минуто назад в коридоре они рассеялись. Чуть позже и в другом месте ты мне расскажешь, как ты посмел сделать то, за что в былые времена казнили без суда и следствия, и, глядя на тебя, мразь, я не нахожу ни одной причины, почему нельзя восстановить этот справедливый закон. И будь я проклят, если будет что-то не так, как я задумал!

Махом выпалив свою угрозу, он вернулся на свое место. Все то время, пока он говорил мне эти любезности, я еле сдерживал тошноту, ибо из его рта шла такая вонь, будто возле меня остановилась ассенизаторская машина. Зная этот

свой недостаток, он, наверное, специально подошел ко мне так близко. Но что бы там ни было, мне это не помешало здраво оценить обстановку и отчетливо осознать, что я попал в чье-то дерьмо, и не просто попал, а увяз в нем по уши. Я по-прежнему маячил посреди кабинета, и это положение начинало меня злить.

– Ну ладно, – собравшись с мыслями, я как бы парировал выпад этой вонючки, – что вы там будете предпринимать по отношению ко мне, это ваше мусорское дело, но мне бы все же хотелось узнать, в чем меня, в конце концов, обвиняют?

Видимо, мое законное желание показалось высокому собранию уж слишком циничным.

– Да эта тварь, по-моему, просто издевается над нами, – проговорил сидевший у окна рыжий верзила в дубленке до колен. Он встал и, подойдя ко мне с левой стороны, безо всяких предупреждений нанес такой удар в челюсть, после которого устоять на месте смог бы разве что телеграфный столб. Я рухнул на ковер как подкошенный и тут же вырубился.

Очнулся я уже на стуле. Молодой мент, один из тех, что приходили за мной на квартиру, держал меня за плечи и брызгал в лицо водой из графина. Делая вид, что еще не пришел в себя, и не открывая глаз, я пытался понять обрывки слов присутствующих в кабинете. Они собирались куда-то уезжать, и тот, который обещал заставить меня заговорить, сказал Роберту:

– Приведи его в чувство и закрой пока. Вечером после

развода я пришла за ним машину.

– Слушаюсь, товарищ полковник, – по-гвардейски отчеканил Роберт и пошел провожать своих гостей.

Голова моя гудела, будто это был пчелиный улей, зато мозг работал как ЭВМ. Теперь я понимал больше, чем когда-либо, что главное для меня – узнать, в чем меня обвиняют, и, уже исходя из этого, строить планы на ближайшее будущее, ибо потом, когда я окажусь в тюрьме, будет уже поздно. Оттуда у меня лишь два пути: этапом в лагерь или ногами вперед, третьего не было, и я знал об этом наверняка.

Когда я наконец оказался в «красном уголке», как местные уголовники называли каталажку во втором отделении милиции, то, безо всяких преувеличений, находился на грани нервного срыва. Видит Бог, я даже не мог припомнить, когда еще со мной случалось что-либо подобное, и случалось ли вообще.

Не успел Роберт проводить «козырных» мусоров за дверь своего кабинета, как тут же отослал и того, кто возился возле меня с графином воды. Он даже не стал дожидаться, пока я открою глаза и буду готов его слушать, а сразу же, без какого-либо вступления, начал объяснять мне суть дела. Я слушал его очень внимательно и, по мере того как он углублялся в тему, чувствовал, что на столько же погружаюсь в чужое дерьмо. Один из законов, открытых Архимедом, здесь был явно налицо. Мы всегда испытываем некоторое облегчение, когда узнаем истинную причину наших несчастий, даже если

не в силах ничего исправить. Так что же произошло за неделю до этих событий и в чем меня обвиняли? Девушка, которая кинулась на меня в коридоре, неделю назад была еще действительно девушкой, то бишь девственницей. Они с другой возвращались домой с какой-то вечеринки. Идти было далековато, поэтому и решили поймать мотор. Проголосовав у дороги, они остановили «Волгу», приняв ее за такси и поначалу даже не заметив, что в ней, кроме водителя, находилось еще двое молодых людей, изрядно принявших на грудь. Эти подонки увезли девушек, изнасиловали их и, выбросив из машины, уехали. Но главным для меня стало то, что предводителем этих ничтожеств был, оказывается, не кто иной, как я сам. Люди, которые со мной разговаривали и только что покинули кабинет, состояли в близком родстве с той, что сидела в коридоре. Они работали в прокуратуре, МВД и даже органах Дагестана, и не какими-нибудь рядовыми служаками. Это были монстры с большими звездами на погонах. Когда Роберт перечислил их должности, у меня дрожь пробежала по телу. Их фамилии были на слуху преступного мира Махачкалы. Да уж, веселые у нее были родственники, нечего сказать! Для них я был не более чем букашка, которую можно раздавить одним пальцем, даже не утруждая себя. И я это прекрасно понимал.

Вкратце я рассказал Роберту, что в городе меня не было почти месяц, а ездил я в лагерь к старому корешу на свидание. Куда и с кем, я, конечно же, промолчал, но подчеркнул,

что летал в оба конца самолетом и это можно легко проверить.

По-прежнему нисколько не сомневаясь в моей непричастности к этому преступлению, Роберт вызвал дежурного следователя, кстати, тоже знакомого мне мусора. В этот момент я находился в весьма щекотливом положении. Казалось бы, расскажи я все, как есть, и дело с концом, но закавыка была в том, что отец Нелли – второй секретарь горкома партии Махачкалы, а эта должность в то время была самой козырной в городе, тем более что вторые секретари обкомов и горкомов союзных и автономных республик были непосредственными ставленниками Москвы и обязательно русскими. Да и сама Нелли, как я уже упоминал, была старшим следователем прокуратуры РСФСР.

Люди старшего поколения, думаю, поймут меня без каких-либо дополнительных объяснений и осознают, что могло ожидать эту семью, поведай я мусорам все, как было на самом деле. Так что следователю я рассказал почти тоже, что и Роберту.

Взяв показания, он отправил меня в каталажку. Здесь в привычном для меня камерном одиночестве я постарался успокоиться и раскинуть мозгами, как обычно бывало при сходных обстоятельствах, но мысли путались в голове, как рой обезумевших пчел. Это было какое-то наваждение. Со мной творилось что-то невообразимое. Лицо горело, как угли жаровни, нервная дрожь сотрясала все тело. Затем, через

некоторое время, оно покрылось капельками холодного пота, а по спине он стекал уже тоненьким ручейком, так что вся одежда успела промокнуть и прилипла к телу. Меня даже бил озноб.

Только сейчас я окончательно понял, что ничего подобного еще в жизни не испытывал. Но все же опыт крадуна и старого арестанта взял верх над обывательской растерянностью и чувством безысходности. Постепенно я стал возвращаться в нормальное состояние и наконец, взяв себя в руки, успокоился. Лишь один-единственный момент в этой истории по-прежнему не давал мне покоя. Я терялся в догадках и никак не мог понять, что это: красиво разыгранный спектакль, удачно подобранная подставка или что-то другое? Если это подставка, то для чего, с какой целью? Для отчетности? Вряд ли. Для мусоров я, по большому счету, не представлял особенного интереса. Карманный вор, да и только. Да если бы даже и представлял, наши махачкалинские легавые никогда не пошли бы на подобные розыгрыши. Они, скорее, спокойно закинули бы мне в карман анашу или пару ампул морфия, и делу конец. Эта практика была у них отработана до мелочей и всегда действовала без сбоев. Значит, эта версия отпадала. Но тогда что же?

Я тусовался по камере, как только что пойманный зверь в клетке, и лихорадочно размышлял, отбрасывая одну версию за другой. Даже в самом страшном сне я не мог представить себе ничего подобного. Человеку, не искушенному в

разного рода законах преступного мира, трудно понять, что могло ждать в тюрьме бродягу, не просто грубо преступившего порог нравственности, но и опозорившего своим поступком весь воровской клан, к которому он принадлежал. Такого человека ждало наказание, далеко не равное наказанию для простого арестанта. Что же касается продолжения воровской карьеры, то на этом смело можно было ставить жирную точку.

И тут в относительной тишине камеры меня осенила одна спасительная мысль, но для ее осуществления я должен был быть на свободе, а не находиться под стражей. Не торопясь и пытаясь по возможности не сбиться с метки, я обуздал этот лихорадочный порыв, прекрасно понимая цену выдержки и спокойствия, и в голове моей все стало потихонечку проясняться.

В первую очередь я должен был прикинуть, что меня может ожидать в каземате НКВД, потому что это было определяющим моментом в моей дальнейшей участи, и здесь, к сожалению, и я это понимал больше, чем когда-либо, утешительного было мало, если не сказать, что его не было вообще. И все это несмотря на то, что у меня было поистине железное алиби – я имею в виду билеты на самолет. Так что отбитые почки и поломанные ребра были ничто по сравнению с тем, что меня ожидало на самом деле.

Время, когда меня водворили в камеру, было обеденным. Развод у мусоров происходил в пять часов вечера. Значит,

где-то в шесть, в половине седьмого за мной приедут, и кто его знает, как в дальнейшем ляжет моя карта.

У меня оставалось в запасе целых пять часов. Ну что ж, будем думать, уже окончательно придя в себя, решил я, прилег на скамейку и, закрыв по привычке глаза, продолжал лихорадочно искать выход из создавшейся ситуации.

Вы знаете, Всевышний иногда проявляет милость к арестантам, тем более к тем из них, кто был несправедливо обижен власть имущими, и наводит бедолаг на спасительные мысли. Не обошел Он в тот раз и меня. Я вспомнил, что несколько лет назад, еще задолго до того срока, после которого я недавно освободился, мы с Валерой Писклей, – моим старым приятелем и коллегой – пытались освободить нашего друга, который спалился на наших глазах в «марке» и был доставлен во второе отделение милиции. Вот что мы предприняли тогда.

Двор второго отделения милиции был небольшим. В левом его углу, прямо напротив самого здания легавки, в десяти метрах от нее, находился навес из бревен, покрытый шифером, при этом ни стены, ни дверей на нем не было. Он предназначался для двух милицейских «бобиков», один из которых постоянно был в ремонте, и мотоцикла с коляской. В правом углу двора одиноко маячил дальняк, сбитый из деревянных досок, а напротив него, метрах в пятнадцати, стояли такие же деревянные ворота, давно покосившиеся от времени, которые и днем и ночью были открыты. По крайне ме-

ре, я их закрытыми не видел никогда. Забор, ближе к которому находились навес для транспорта и туалет, разделял мусорскую и гаражи, стоящие по соседству с домами.

Ближе к ночи мы с Писклей проползли по крышам гаражей, перелезли через этот забор и, подкравшись к задней части туалета, вытащили плоскогубцами четыре гвоздя из двух средних досок, два из середины и столько же снизу. Корешу нашему оставалось лишь повернуть две доски в разные стороны и сделать ноги. Ближе к ночи, когда сестренка нашего друга принесла ему харчи в мусорскую, то сообщила ему все, о чем мы ее попросили. Парень все понял. Ему оставалось лишь улучшить время, выждать благоприятную возможность и, попросившись в туалет, исчезнуть.

Но в тот раз ему даже не пришлось бежать. Приятелю тогда крупно повезло. Среди ночи в отделение милиции приехал какой-то его родственник, работавший в одной из структур МВД, надавил на ментов и кореша нашего выпустили на свободу под подписку о невыезде. Прекрасно понимая, что рано или поздно в такой же ситуации может оказаться любой из нас, на следующую же ночь мы с Писклей вновь посетили дворик отделения милиции и вставили гвозди на место, предварительно расширив дырки и разрубив гвозди пополам. Теперь, чтобы проложить себе путь к свободе даже без поддержки со стороны, достаточно было слегка толкнуть доски сортира изнутри.

Но тогда никому из нас не пришлось воспользоваться этой

заготовкой. Все, кто знал о ней, в течение пяти-шести месяцев были пойманы и во время ареста содержались под стражей либо в другом городе, или же в ином отделении милиции. И вот теперь, вспомнив о нашей с Писклей выдумке, я терялся в догадках, осталось ли там все по-прежнему или нет? Ведь мусора могли обнаружить подвох. Да и за прошедшее время гвозди вполне могли заржаветь, могло произойти и что-то другое, непредвиденное, кто его знает? Если все осталось, как было задумано много лет назад, то шансов на удачный побег у меня было предостаточно. Но где найти сообщника?

Я весь превратился в слух, уверенный в том, что Бог меня не оставит, кто-нибудь из знакомых все же зайдет в дежурку до вечера и я смогу склонить его на свою сторону. Знаете, когда вы сильно верите во что-то, Всевышний всегда оказывается на вашей стороне и никакие козни дьявола ему не помеха. Всегда будет только так, как Ему угодно.

Через час или полтора моего лихорадочного ожидания я не только услышал, но и увидел знакомого мне поселкового парня, которого кличили Сатера, а звали Магомед.

В Дагестане Магомедов – что в России Иванов. В милиции он оказался случайно. Его двоюродного брата задержали несколько часов тому назад за драку, и он хотел узнать, куда того доставили. Не имея почти ничего общего с преступным миром, Сатера тем не менее был своим в доску. В первую очередь он был настоящим работягой. Твердый дух в благо-

родном сердце, честность и серьезное отношение буквально ко всему, за что бы он ни брался, создали ему немалый авторитет среди сверстников. Так что на него я мог положиться почти как на себя самого. Но главным для меня в тот момент было его согласие, ибо я знал наверняка: если он скажет «да», то наверняка выполнит свое обещание.

Дверь в каталажке была деревянной и только с виду казалась надежной и непрístupной. Огромный, величиной со спичечный коробок, глазок давал возможность не только общаться с арестантом, но и, например, передать ему в это отверстие что-нибудь нужное.

Слева от двери «красного уголка» располагалась дежурка. Обычно к вечеру в отделении милиции оставалось трое дежуривших здесь ментов, не считая следователя, работавшего на втором этаже. Один мусор сидел непосредственно в дежурке, на телефоне, двое других и следователь часто разъезжали на «бобике» по вызовам.

При таком раскладе мне не составило особого труда позвать Сатеру поближе к двери и объяснить ему суть дела. Тем более, и это было очень важно, говорил я с ним на его родном кумыкском языке, тогда как мент, дежуривший у стойки, был аварцем. Это я успел выяснить сразу же, как только был водворен сюда. Сатера понял меня без лишних расспросов и обещал помочь. Больше того, он успел сказать мне, что, если даже менты забили новые гвозди или они заржавели, он опять вырвет их, как только стемнеет. Теперь я

был почти уверен в успехе задуманного и от меня уже, можно сказать, ничего не зависело. Оставалось только терпеливо ждать и надеяться.

В тот момент я еще даже не догадывался о том, что звук чахлого двигателя мусорского уазика скоро станет для меня самой долгожданной и желанной музыкой. Дело в том, что мент, дежуривший в отделении милиции, не имел права выводить меня в туалет, пока не придут остальные двое, выехавшие на очередное происшествие на этой самой машине. Я на всякий случай теребил его каждые полчаса, и он, входя в мое положение, обещал по приезде коллег сразу же сопроводить меня по нужде.

Уже с час, как стемнело, а машина все не возвращалась. Зимой сумерки наступают рано, но, по моим расчетам, было уже около шести часов вечера. С минуты на минуту за мной должны были прибыть гонцы из управления, и тогда все было бы кончено.

У законопослушного человека, прочитавшего эти строки, может возникнуть вопрос: зачем бежать, если ты невиновен? Ведь побег всегда скорее доказывает вину, нежели опровергает ее. Но, смею вас уверить, это утверждение справедливо лишь для правовых государств, для стран с крепкими демократическими устоями и принципами, тогда как Советский Союз, да, собственно говоря, и нынешняя Россия эти нормы никогда не соблюдали. Так что в подобных ситуациях и я, и мои собратья по несчастью всегда полагались в первую оче-

редь на самих себя, ну и на верных друзей, конечно же, а не на действующий закон и тем более не на абстрактную справедливость.

И вот наконец во дворе отделения раздался долгожданный рев двигателя мусорской таратайки. В коридоре началась суета, зашумели кованые сапоги, послышались грязные шутки плебеев в милицейской форме и все, что обычно сопутствует этому. Менты привезли с собой какого-то парня, и, пока на него составляли протокол задержания, я все же добился, чтобы меня наконец-то вывели в туалет. Представляете, с каким чувством я шествовал в направлении дальняка? Благо опыта было не занимать, иначе пришлось бы изрядно понервничать, а именно этого в столь ответственный момент и нельзя было допустить ни в коем случае. Хотя путь и не был дальним, я все же умудрился за это время перекинуться парой слов со своим конвоиром, рассказав ему анекдот про идиота-постового. Но, судя по его поведению, этот увалень лишь совсем недавно спустился с гор в поисках лучшей жизни и поэтому концентрировал все свое внимание не на речи задержанного, а на его руках, вернее, на руках его родственников.

Я вошел в туалет. Кряхтя и недовольно бубня под нос, чтобы меня хорошо было слышно, я, не теряя ни единой секунды на размышления, приступил к действиям. С ловкостью пантеры, в полпрыжка, я очутился у задней стенки туалета, дотронулся до досок и, вдохнув в грудь побольше воздуха,

слегка надавил на них. Когда я почувствовал, что они ходят под руками, я выдохнул так, будто пробыл под водой не меньше минуты. Мысленно от всей души поблагодарив Сатеру за его жиганский поступок и наскоряк скинув с себя кожаную куртку, которая теперь больше походила на душегрейку, я повесил ее на крючок возле двери и, аккуратно раздвинув доски, потихоньку пролез наружу.

Холодный порыв ветра, будто напутствуя меня в дорогу, обжег мое лицо. Прижавшись к промерзшей земле, я замер на мгновение, весь превратившись в слух, но голову, как змея, на всякий случай держал чуть приподнятой. Не уловив ничего подозрительного и хорошенько осмотревшись вокруг, в следующую секунду я уже полз в сторону спасительного забора, как диверсант в тылу врага.

Я хорошо запомнил тот наш ночной рейд с Писклей. Мы тогда промацали буквально каждый метр вдоль забора и пришли к выводу, что преодолевать его удобнее всего было в углу, за которым был какой-то мануфактурный цех. Хоть беглец и находился в этом случае на виду у любого, кто мог появиться во дворе, все же для побега ему понадобились бы лишь доли секунды. Дело в том, что этот угол с годами превратился в настоящую лестницу с глубокими выбоинами в кирпичной кладке, а кое-где и со сквозными дырами, а оба забора были очень высокими, и беглецу вряд ли удалось бы с ходу взять хоть один из них.

Забор был уже прямо передо мной, и мой конвоир по-

вернулся в сторону дежурки. Момент для рывка был самый подходящий, и я хотел уже воспользоваться обстановкой, но именно в этот момент, как назло, один из мусоров, который оставался в дежурке, вышел во двор с родственником арестованного, видно договариваясь о мзде, И мой конвоир тут же подошел к дальняку и, ударив по нему несколько раз ногой, заорал так, чтобы его слышал не только я: «Эй ты, давай поторапливайся там! Что, веревку проглотил, что ли?»

Я еще сильнее прижался к земле, готовый в любую минуту броситься на барьер и рвать когти. Ведь, не услышав моего ответа, мент заподозрил бы что-нибудь неладное. Но, слава Богу, легавый оказался, ко всему прочему, еще и туповатым. Не знаю, сколько я пролежал на холодной земле, уже успев замерзнуть, как суслик, десять секунд или минуту, но точно помню, что я заставлял себя терпеливо ждать столько, сколько потребуется.

За мою выдержку Всевышний щедро отблагодарил меня. Мент, что стоял у подъезда с гражданским, вдруг повернулся к моему конвоиру и крикнул ему, неуклюже мешая аварскую и русскую речь: «Иди сюда на минутку. Не бойся, никуда твой засранец не денется, а если что, хлопну его как муху, и все дела». При этом он постучал рукой по своей кобуре, в которой вместо пистолета, скорее всего, лежала пара огурцов и луковица на закуску: таким олухам, как этот, боялись выдавать табельное оружие, а они просто бредили им.

Мой провожатый оказался возле них тут же, как будто

давно ждал, что его позовут. Они вошли, в подъезд и стали там о чем-то договариваться, видно, деньги делили между собой. В этот момент я вскарабкался на забор, как кошка, и замер на доли секунды, но уже лежа на крыше одного из гаражей с другой стороны забора.

Хоть я и продумал весь план побега почти до мелочей, все же даже доли секунды, выигранные у мусоров, были дороги для меня. Поэтому, следя за легавыми в подъезде, я пытался рассчитать, когда они меня хватятся. Убежав сразу, я бы не знал, сколько времени у меня в запасе. Ведь кто знает, что случится в пути. В побеге иногда даже маленький камушек может сыграть роковую роль.

Наконец я скатился с промерзшей крыши гаража и, в мгновение ока перелетев через следующий забор, очутился во дворе детского садика, который находился прямо напротив подъезда, где я жил. Так что через какое-то мгновение я оказался в собственной квартире.

Но был ли смысл прятаться у себя дома? В этом-то и состоял мой расчет. Я нисколько не сомневался, что менты станут разыскивать меня где угодно, только не у себя под носом. Именно так я мог выиграть несколько дней. Ведь их учили всегда действовать, руководствуясь логикой, ни на йоту не отступая от нее и не выставляя себя белой вороной. Но парадокс состоял в том, что вся милиция как раз и держалась на таких вот нескольких «белых воронах», которые эту самую логику не особенно жаловали. С несколькими из них мне до-

велось столкнуться в своей жизни и в Махачкале, и в столице. И, к моему сожалению, всего лишь один-единственный раз мне удалось выйти из этой борьбы победителем, но это – уже другая история.

В нашей квартире было два балкона. Один смотрел в сторону двора и того самого детского садика, через который я бежал, другой выходил на противоположную сторону дома, на улицу Гагарина. Уже давно я соорудил на этом балконе что-то вроде потайного лаза наверх, на балкон четвертого этажа, для того чтобы в случае шухера меня не было видно снизу. Для этой цели я приспособил высокий кухонный шкаф. Он стоял на балконе с краю, и мама на зиму обычно убирала в него банки с соленьями и вареньем. Но после моей реконструкции шкаф имел уже не одну, а две задние стенки.

Напротив балкона росли два тополя, один из которых стал для меня чем-то вроде убежища и одновременно лестницы. В свое время я до такой степени натренировался прыгать на него с перил как своего балкона, так и балкона четвертого этажа и мгновенно спускаться вниз, что мог проделать этот финт даже с закрытыми глазами. А в случае, если бы я вдруг оказался ранен или болен, тонкий, но крепкий трос, намертво соединявший дерево с перекрытиями между обоими балконами, помог бы мне преодолеть это расстояние.

Этажом выше жили добрые и отзывчивые люди, которые не возражали против моей затеи, тем более что пользовался я этим приспособлением крайне редко – лишь когда был на

свободе и моя воровская жизнь вынуждала меня прятаться от легавых.

Не успел я войти в дверь, которую открыла мне мать, как тут же попросил ее завести детей в спальню, и, лишь убедившись, что они не видят меня, вошел в дом. Предосторожность эта не была излишней. Дело в том, что много лет тому назад, еще не зная как следует многих нюансов нашей бродяжьей жизни, я был научен горьким, роковым опытом друга детства, которого выдала ментам его малышка дочь. Незадолго до их прихода он играл с ребенком, а увидев легавых, исчез в своем схроне во дворе. Менты ни за что не додумались бы найти его тайник, но какой-то ушлый пес обманом выведаль у крохи, где спрятался ее папа. Ему, кстати, втерли тогда десять лет особого режима, и он, в конце концов, умер в лагере от чахотки.

Жена моя была в отъезде, отец находился в рейсе, так что мама одна управлялась с детьми, поэтому и не смогла сразу прийти в милицию, но, уверенная в том, что меня через час-другой отпустят, была относительно спокойна. В нескольких словах я рассказал ей о происшедшем и, увеличив громкость дверного звонка до максимума, скрылся на балконе.

Пролежал я там довольно долго, но вокруг, как я и предполагал, все было тихо и спокойно. Мне было отлично видно все, что творилось напротив дома. Еще несколько часов назад, находясь в «красном уголке» второго отделения милиции, я точно знал, что если моя затея удастся, то именно

здесь, лежа на грязном половичке балкона четвертого этажа, я и намечу план следующего этапа побега.

При моем образе жизни загадывать наперед было по меньшей мере глупо. Поэтому, обдумывая тот или иной план действий, я всегда разбивал его на этапы. Эта система помогала избежать многих ошибок, сэкономила поистине драгоценное время на размышления, в общем, была чрезвычайно эффективной. Теперь, укутавшись в отцовский тулуп и озираясь по сторонам, как загнанный волк, я пытался найти и сделать следующий ход. От правильности выбора зависела не только моя жизнь, но и воровская честь, что было для меня важнее всего остального.

Представляете, в каком я был положении? Этот день был поистине богат на сюрпризы. Пришедшая вдруг мысль стала не чем иным, как подарком Божиим. Откинув одну за другой все иные версии, я сосредоточился на одной. Я вспомнил частые высказывания того самого «правильного мусора», Бороды, который при случае любил подчеркнуть свою порядочность и преданность идеалам правосудия. И чем больше я думал об этой безумной на первый взгляд затее, тем больше убеждался в том, что в моем положении лучше и правильнее выхода просто не было.

Голова раскалывалась от напряжения. Я решил подождать до утра, а там, как говорится, что Бог пошлет, то и будет.

Глубоко за полночь я спустился к себе в комнату и уже подробно объяснил матери, что произошло в милиции. «Не

беспокойся, сынок, – сказала она мне. – Что бы ни случилось в будущем, ты крепись и знай, что я скорее умру, чем позволю кому-то возвести на тебя напраслину и тем самым погубить тебя. Хотя, как мать, я эту несчастную девушку, конечно же, понимаю».

Всю ночь мы проговорили, обсуждая мое нынешнее положение, а под утро я уснул на диване, даже не сняв верхней одежды, но ненадолго. В десять часов утра дверной звонок исполнил свою традиционную «Калинку», оповестив о приходе какого-то раннего гостя. Гость был незваным, а значит, это был мент. Он был в штатском и провел у нас около часа, внушая все это время моей матери, как важно, чтобы я сам пришел в милицию с повинной, и прочую чушь. В конце визита он не преминул заглянуть на всякий случай в спальню, кладовку и туалет и лишь потом наконец откланялся и ушел.

Вернувшись, я поделился с матерью своим планом относительно Бороды, и она одобрила его сразу же, безо всяких оговорок, будто пророчески предвидела все наперед. Я попросил ее позвонить Нелли и объяснил, что нужно было ей сказать. Домашний телефон мог прослушиваться, поэтому мама одела детей и ушла с ними к сестре, заодно дав мне немного отдохнуть и прийти в себя. Я проспал почти до самого вечера, и никто меня не побеспокоил за это время. Это лишь укрепило мои предположения о том, что за квартирой было установлено наблюдение.

Борода приехал часов в десять вечера. Я был приятно

удивлен его поведением и манерой держать себя. В присутствии матери я подробно и во всех деталях рассказал ему обо всем, что произошло со мной за последний месяц, пока еще не называя при этом ни имен, ни фамилий. Это и немудрено. Я скорее поверил бы в существование жизни на Марсе, чем в честность и порядочность местного легавого, тем более в тот момент, когда за мою голову была обещана немалая награда. А в том, что награда уже была обещана, я не сомневался ни на секунду. Кроме того, воровская этика не располагала к излишней откровенности: одно дело, если твой язык подведет лишь тебя самого, и совсем другое, когда от него будут страдать другие. Борода выслушал меня молча, ни разу не перебив, и, когда я закончил, сказал, даже не выдержав паузы: «Мне все понятно, Заур, ты действительно невиновен. Это ясно как белый день, но твою невиновность еще надо доказать. Что же касается билетов на самолет, то это, к сожалению, не алиби. Алиби, которое можно легко опровергнуть, уже не алиби, а лишь одна из версий, правда, в твою пользу, но что толку-то? Дело ведь может и не попасть в руки следователя, я уже не говорю о судебном процессе. В конечном итоге наверняка все так и будет, попадись ты им в лапы. Ну да ладно, что тут сейчас гадать, как и что, давай-ка мы лучше вот что сделаем. Оставаться здесь тебе больше нельзя, ты и сам это прекрасно знаешь, поэтому слушай меня внимательно. Недалеко от твоего подъезда, в засаде в сером «Москвиче» сидят работники милиции. Не знаю, есть ли кто-нибудь

за домом, но этих я не только видел, но даже поздоровался с ними и немного поговорил, прежде чем подняться к тебе. Поэтому я проеду по улице Гагарина несколько раз в ту и другую сторону, осмотрюсь и, если все чисто, просигналю фарами прямо напротив твоего балкона, два раза дальним и два раза ближним светом с длинными интервалами. Если же я замечу засаду, то уеду и вернусь чуть позже. Ты в это время не нервничай и ничего не предпринимай, пока я не придумаю, как тебя вызволить отсюда, понял?»

Выбора у меня не было. «Да», – ответил я не задумываясь и, прежде чем Борода вышел из дома, уже лежал на балконе этажом выше. Я хорошо знал его машину. Это был «жигуленок» красного цвета, «шестерка», с номерным знаком 05–34.

Несмотря на то, что улица Гагарина освещалась относительно неплохо, ночью, как говорится, все кошки серы. Так что мне трудно было отследить именно его машину, зато когда я увидел, как напротив остановилась легковушка, то понял, что это именно он, впрочем, с окончательными выводами пока не спешил. Прошло уже несколько минут, как автомобиль остановился, но из машины никто не выходил и никаких знаков не подавал. Я уже было подумал, что обо-знался, как вдруг два дальних и столько же ближних лучей с длинными интервалами прорезали ночную мглу. Ни секунды не задумываясь и даже не тратя драгоценного времени на спуск, я мгновенно оказался на перилах балкона и огромным прыжком, которому позавидовал бы, наверное, даже снеж-

ный барс, перемахнул на дерево, а уже в следующую минуту, так же быстро спустившись с него, оказался на земле. Присев на корточки, я тут же огляделся по сторонам, но, слава Богу, все было тихо и спокойно.

Придя в себя настолько, насколько это было возможно, я поднялся на ноги и непринужденной походкой направился в сторону поджидавшей меня машины. Спокойно перейдя проезжую часть улицы и все еще озираясь вокруг, я поравнялся с красным «жигуленком» Борода, резко открыл заднюю дверь и так стремительно запрыгнул в машину, будто от этого прыжка зависела вся моя жизнь. Автомобиль медленно тронулся, а затем помчался, набирая скорость, по темным улицам и грязным закоулкам в сторону Первой Махачкалы. Борода жил тогда между телестудией и городской тюрьмой. И когда, лежа на заднем сиденье машины и озираясь вокруг, пытаюсь разглядеть возможных преследователей, я увидел, что мы свернули именно в ту сторону, то понял – он везет меня к себе домой. Мои последние сомнения рассеялись, и я немного успокоился. Теперь, пожалуй, можно было и передохнуть.

Магомед заехал прямо во двор и, остановившись в самом конце, возле какой-то пристройки, велел мне выходить из машины. «Все. Приехали, бродяга!»

Он поселил меня в этой самой пристройке, которая оказалась на самом деле летней кухней. В этом уютном и скромном домике, переоборудованном за несколько часов в жили-

ще отшельника, мне пришлось провести почти месяц. Месяц тревог и ожиданий, надежды и благодарности. Разве можно забыть это время? Нет, конечно. Такое не забывается никогда. Но во сто крат оно ценнее и памятнее тем, что помогал мне во всем мент, который при других обстоятельствах, окажись я виновным в каком-либо преступлении, не задумываясь, упрятал бы меня за решетку. Но воспоминания эти были бы тусклы и неполны, если бы я не упомянул об очаровательной хозяйке этого теплого, гостеприимного дома и их маленькой красавице дочке, похожей на сказочную восточную принцессу.

Порой случается, что некогда чужие друг другу люди оказываются схожи буквально во всем: во взглядах и мнениях, в непринужденной манере держать себя в обществе и в то же время быть скромными и ненавязчивыми. Такие душевные качества присущи лишь людям с отзывчивыми и чуткими сердцами, людям прекрасно воспитанным и в высшей степени порядочным. В какой-то момент у меня даже сложилось впечатление, что это были дети одной матери. Да и по национальности оба они были кумыками. Набат, так звали супругу Бороды, была чуть ниже среднего роста. Ее отличала приветливая и мягкая улыбка и красивые зеленые глаза, похожие на два благородных изумруда, в которых почти всегда искрился лучик добра и нежности. Аккуратно причесанные недлинные темно-русые волосы делали ее похожей на Шемаханскую царицу, а природная скромность и величавая стать

лишь только подчеркивали это сходство.

Когда у себя дома я рассказывал Бороде, где и как провел последний месяц, я побоялся открыться ему полностью, и читатель знает почему. Лишь теперь, находясь под его кровом и видя его красавицу жену, ее доверчивые глаза и милую, доброжелательную улыбку, я понял, что такие люди не способны на предательство. Тем более, как я успел заметить, они были действительно схожи буквально во всем. Ночью, когда Борода закончил все свои дела, по большей части связанные именно со мной, и возвратился домой, я извинился перед ним за недоверие и дополнил свой предыдущий рассказ недостающими подробностями.

– Это обстоятельство намного упрощает нашу задачу, Заур, но, к сожалению, не решает проблемы полностью, – сказал Борода, выслушав меня. – Ну, ничего страшного, думаю, теперь нам будет полегче.

Под утро, после нашей беседы, я позвонил Нелли. Она ждала моего звонка с нетерпением и, по ее словам, еще даже не ложилась спать. Назначив ей встречу на шесть часов вечера возле кинотеатра «Комсомолец» и предупредив о том, кто придет вместо меня, я успокоился и заснул, а Борода уехал на работу, так и не сомкнув глаз.

Вечером я внимательно, не отрывая глаз, наблюдал за двумя «сыщиками» и выслушивал их версии. Смею заметить, что оба они были на высоте и стояли друг друга.

Вот что у них получилось. Во-первых, и это было совер-

шенно очевидно, один из насильников внешне был на меня очень похож. Но как его найти? Ведь, судя по тому, что он был схож именно со мной, этот человек не принадлежал к преступному миру, иначе эту особенность давно бы уже отметили как сотрудники правоохранительных органов, так и мои друзья. Уж меня-то трудно было с кем-нибудь спутать. Значит, искать моего двойника придется по всему городу, а возможно, и не только по городу, и сделать это будет очень непросто. Тем более что никто и не собирался искать никакого двойника – мусора ловили именно меня.

Исходя из этих соображений, Нелли и пообещала, что завтра, кровь из носу, через своего отца повлияет на ход следствия с тем, чтобы дело передали Бороде. К нашему общему удивлению, да и к счастью, конечно, на следующий день ей это удалось без особых проблем, и теперь вся ответственность за поимку преступника легла именно на Магомеда. Вопрос заключался лишь в том, кто и кого считал преступником. По сути, только два человека всерьез занимались этим делом и были заинтересованы в Поисках истины: Борода, который руководил операцией, и Нелли, помогавшая ему советами и доживавшаяся чего-то через своего отца. И уже на первых повторных допросах потерпевших результат этого плодотворного сотрудничества не заставил себя ждать. Им удалось выяснить несколько важных деталей этого преступления. Как показало время, они были на правильном пути.

Дело в том, что, по словам обеих потерпевших, все трое

негодяев были, без сомнения, студентами какого-то махачкалинского вуза. Но какого именно? Их в городе было в то время четыре или пять, точно уже и не помню. Больше того, они явно были сыновьями весьма состоятельных родителей, по крайней мере тот из них, кто был похож на меня. Иметь собственную «Волгу» в таком возрасте мог позволить себе тогда далеко не каждый. Поэтому Борода для розыска банды насильников подключил к операции всех младших сотрудников уголовного розыска, которые были у него в подчинении, но дал каждому из них не мою фотографию, а «фоторобот», то есть портрет предполагаемого преступника, сделанный на основании показаний девушек.

Такой подход к делу в корне менял картину следствия. Это могло прийти в голову лишь настоящему сыщику. Около десяти дней ушло у оперативников на поиски, и наконец преподавательница одного из факультетов медицинского института Махачкалы узнала в показанном ей «фотороботе» своего студента.

Нечего сказать, мне действительно крупно повезло. Новогодние каникулы были в разгаре, и все студенты, так же как и их преподаватели, разъехались по домам, а вот именно эта преподавательница иностранного языка, которая и была нам нужна, осталась.

Это я к тому, что если Всевышний с вами, то беспокоиться нечего. Но, к сожалению, мы никогда не знаем до конца, с нами Он или нет. Отсюда и вера в Бога. Или ты веришь –

и тебе нечего бояться в жизни и ты спокоен, или хотя и веришь, но все-таки сомневаешься, и тогда ты пребываешь в постоянных тревогах.

Студент, похожий на меня, на самом деле оказался грузином из Кутаиси и был действительно сыном очень высокопоставленных родителей. В Махачкале он жил у родной тетки, сестры отца, и учился в медицинском институте, но на каникулы уехал домой.

Только теперь, когда все стало на свои места, Борода открылся начальству. Ведь до этого они думали, что он ищет именно меня, и вот на тебе... Но они с Нелли подготовились к этому основательно и были уверены в успехе. Я даже не знаю, что бы мы, а точнее, они делали, если бы не ее отец. Ведь вступить в открытое противоборство с властью имущими родственниками потерпевшей мог лишь очень влиятельный человек. У него должны были быть такие длинные руки, чтобы он мог зашнуровать ботинки не нагибаясь. Но отец Нелли был покруче всех их, вместе взятых, тем более что дело касалось справедливости, которая, и он знал это лучше, чем кто-либо, была на нашей стороне. Так что Бороде были предоставлены все необходимые полномочия. Теперь успех зависел только от его расторопности и смекалки, и здесь Магомед вновь был на высоте.

Сразу же после новогодних праздников опергруппа под его руководством выехала в Кутаиси и через несколько дней арестовала преступника, прятавшегося в доме у своего дру-

га. Нашли и «Волгу», на которой насильники увезли девушек, и, перегнав ее в Махачкалу, произвели необходимую экспертизу. Впрочем, и так на первом же допросе это ничтожество призналось во всем и выдало своих подельников с потрохами. Их арестовали в тот же день. Только после этого Борода привез меня в МВД, якобы только что обнаружив после долгих поисков на одной из махачкалинских «блатхат».

И тут началось самое интересное. Меня завели в огромный кабинет, где с непривычки от яркого блеска больших звезд на погонах у меня даже зарябило в глазах. Стояла мертвая тишина. Я сел на стул прямо возле двери, на который указал мне один из присутствовавших, и стал исподлобья разглядывать эту пеструю публику. Того, кто ударил меня месяц назад в кабинете у Роберта, я узнал сразу, но, не подавая вида, скользнул взглядом мимо. Я попал в контору, с которой не следовало шутить, и тем более проявлять свои эмоции.

Не успел я еще как следует прийти в себя в этой обстановке, как дверь неожиданно открылась, и на пороге появился мусор, которого я не мог разглядеть, потому что дверь полностью заслоняла его от меня.

– Разрешите, товарищ генерал, – услышал я голос.

– Привели?

– Так точно!

– Ладно, давайте его сюда.

В кабинет завели задержанного, но я пока видел только

его руки с надетыми на них сзади наручниками. Дверь закрыли и задержанному приказали сесть напротив меня. Он присел, а у меня от неожиданности отвисла челюсть. Передо мной как бы предстал я сам, и это было чем-то вроде наваждения. Я даже ущипнул себя за руку. Я ожидал всего, но только не этого. Если бы передо мной в тот момент оказался двухголовый монстр, я, пожалуй, удивился бы меньше. Такого поразительного сходства я никогда больше не видел, ни до этого случая, ни позже. Даже менты, находившиеся в кабинете, были поражены не меньше, чем я.

Первым прервал молчание один из родственников потерпевшей, все тот же генерал, к которому обращались за дверью. Он оказался одним из заместителей министра внутренних дел Дагестана. Как бы оправдываясь перед всеми, он подчеркнул, что сходство действительно поразительное и подобное он видит впервые. Затем, что было уже совсем не в характере таких вот легавых бонз, извинился передо мной и даже осчастливил меня своим рукопожатием. Я молча встал и протянул свою руку, что еще оставалось мне делать? Если бы даже я и захотел пойти на принцип, вид этого необычайного сходства, думаю, остудил бы мой пыл.

Но на этом представление еще не закончилось. Пока мусора разговаривали между собой, а один из них нахваливал Бороду за профессионализм и смекалку, дверь снова открылась, и в кабинете опять воцарилась тишина.

– Заходи, заходи, дочка, – пригласил кого-то один из ко-

зырных легавых в форме прокурорского работника. Сначала я услышал легкий стук каблучков модных сапожек, а уж затем увидел и их хозяйку. Это была та девушка, которая кинулась на меня в коридоре второго отделения милиции. Но теперь, не видя меня, она уставилась на моего двойника и чуть не бросилась на него, видно проклиная на своем родном аварском языке этого подонка.

– Уберите, уберите эту мразь отсюда, – приказал все тот же генерал. Один из мусоров вывел его прочь, и, когда она повернулась, провожая проклятиями, наши взгляды встретились. Бедная девушка даже вскрикнула от неожиданности, поднеся обе руки с платочком к губам, и замерла как вкопанная.

– Да-да, моя хорошая, – продолжал все тот же мусорской голос, – это как раз и есть тот самый человек, которого ты по ошибке приняла за преступника.

Я молча встал со стула, глядя прямо в глаза этой несчастной, и услышал тихое и трогательное:

– Простите меня, пожалуйста, я так виновата перед вами.

– Ничего страшного не произошло, не стоит так переживать. В жизни нашей бывает еще и не такое, – ответил я так же тихо и даже постарался улыбнуться, но у меня это так и не получилось.

Сноски к рассказу «Борода»

Баландер – в местах лишения свободы, разносчик пищи или повар.

Босота – представители преступного мира, которые не только придерживаются воровских традиций, но и живут по их канонам.

Выправить ксивы – исправить поддельные документы удостоверяющие личность человека (паспорт, водительское удостоверение и т. д.) на настоящие.

В неознанке – не признавая за собой вины в инкриминируемом ему преступлении.

Дальняк – 1) изначально – уборная, которая находилась на улице. Позже так стали называть все уборные вообще. 2) – Исправительная колония, расположенная где-нибудь на Урале, в Сибири, на Крайнем Севере или на Дальнем Востоке.

Жиганская душа – воровская душа.

Жиганский поступок – поступок, достойный вора в законе.

Здание легавки – здание, в котором находится МВД или ОВД.

Кешар – (от польского «kieszka») – съестные припасы и предметы первой необходимости, отправленные в передаче, содержащиеся в посылке или находящиеся в сидоре.

Кивалы – «народные заседатели» в бывшем СССР,

участвовавшие в судебных процессах, восседавшие по обеим сторонам от судьи, но ничего, по сути, не решавшие.

Килешовка – перевод из одного помещения в другое. Как правило, этими помещениями являются тюремные камеры, корпуса и т. д.

Кипеш – бунт, шум, волнение, скандал.

Крадуны – преступники, занимающиеся исключительно воровством и строго придерживающиеся воровских законов. Кандидаты в воры в законе. В блатном мире ворами называют только тех, кто носит эту масть, то есть высших авторитетов. Других же определяют по «специальности» (домушник, медвежатник, гопстопник) или в целом называют крадунами.

Лепила – медицинский сотрудник (например, медбрат) в местах лишения свободы.

Менты-тихушники – сотрудники уголовного розыска, которые занимаются поимкой карманных воров, поэтому постоянно ходят в штатском.

На мусорском олимпе республики – высшие государственные служащие республики.

Наскоряк – быстро, без задержек.

На случай шмона капитально затарился малявами – на случай обыска хорошо спрятал все записи от сотрудников администрации колонии.

Отмазки – отговорки.

Парчак – одна из самых презируемых категорий сидель-

цев в колонии. Униженный, грязный и неряшливый человек, зачастую страдающий венерическими заболеваниями. Это, как правило, отчаявшиеся и опустившиеся люди, на которых, кроме заключения под стражу, обрушилась еще масса, по их мнению, неразрешимых проблем.

Пересыльно-лагерные сита – издевательства и пытки, которые проходят осужденные, придерживающиеся воровских канонов, в момент этапирования.

Промацали – проверили.

Садильники – автобусы.

Стремные ситуации – ситуации, которые заставляют о многом призадуматься.

Тормознулись – остановились.

Тычили – совершали карманные кражи.

Хавка – еда.

Шебутное время – время, полное приключений.

В шебутной в бродяжьей жизни – в полной приключений, воровской жизни.

Щипачи-верхушники – одна из множества категорий карманных воров.

Шпана – 1) Беспризорники. 2) Мелкие воры, промышляющие в людных местах, в поисках денег на пропитание. 3) Воры в законе.

Вертун

Никогда не забуду тот давнишний этап на Воркуту. С самого его начала, в небольшой камере-сборке на «Красной Пресне», у *мусоров* произошел какой-то сбой в тюремной *килешовке*. После получения сухого пайка, нас, одиннадцать каторжан, стали по одному заводить в смежную со сборкой камеру, и о Боже! – в ней, на широких лавочках вдоль стен, ожидали своей отправки с десятков милых и очаровательных дам, о которых легавые каким-то непостижимым образом забыли, не успев вывести оттуда.

Кто мог ожидать такого подарка судьбы? Что тут началось! Девичий писк, визг, смех, жаркие объятия с поцелуями! *Мусорам* пришлось в буквальном смысле слова нас отрывать друг от друга. Правда, потом мы получили свою порцию дубинок, но разве жаркие объятия и поцелуи молодой красавицы-арестантки не стоят этого? А ведь мне тогда было чуть больше двадцати пяти...

В *стольпинском вагоне* судьба свела меня с одним приговоренным к большому сроку на особом режиме рецидивистом. *Кличили* его Пронырой, и, дело прошлое, лучшего прозвища для бродяги трудно было и придумать. Проныра был арестантом с большой буквы. В отличие от некоторых других заключенных, его по-хорошему интересовало абсолютно всё. Куда и откуда идет встреченный нами по дороге этап?

Есть ли на пересылке воров, а в камере *воровской общак*? По какой причине до сих пор не *пробит кабур* в соседнюю хату? Почему в баланде нет полагающихся десяти граммов мяса?

В те времена мне в пути частенько встречались каторжане, которые ходили по этапам годами – то в одну, то в другую сторону. То их по каким-то причинам не принимала лагерная администрация, то не успевали они прийти к хозяину, как их тут же требовали назад, туда, откуда были этапированы, да мало ли оказывалось причин? Случалось даже, что, когда до ближайшей пересылки было далековато, людей освобождали прямо из «Столыпина», день в день. Таков уж был порядок.

Так что не было ничего удивительного в том, что и мы мотались в пути уже около двух месяцев. Позади остались пересылки Горького и Казани, и холодным январским вечером 1975 года мы прибыли в кировскую тюрьму.

Помню, я еще не успел даже прийти в себя, как очутился в огромной камере-сборке. Мне показалось, что короткий путь длиной в несколько метров из «Столыпина» в воронку я пролетел по воздуху, сопровождаемый дубинками конвоиров и срывающимися с поводков немецкими овчарками, натасканными на заключенных.

Выделенный для нашей транспортировки воронки конвой забил под завязку. Около получаса пути до пересылки мы изнемогали от жары и запаха пота. Я стоял в воронке как столб, истекая потом, зажатый со всех сторон такими же, как и сам,

горемыками, не в силах даже глубоко вздохнуть, и проклинал все на свете. Я думал лишь о том, как избежать «радушного приема» конвоем самой пересылки.

Наконец все процедуры, связанные с приемом и распределением заключенных, остались позади, и всех нас, а этап был немаленький, около тридцати человек, раскидали по хатам. Меня, Проныру и еще одного достойного каторжанина с четвертаком за плечами, который таял от чахотки прямо на наших глазах, посадили отдельно от остальных.

Дело в том, что в те времена в любую камеру, будь то хата следственной тюрьмы, БУРа, изолятора, крытки или пересылки, водворяли строго по мастям. Чтобы избежать ненужных инцидентов, прежде чем забросить в какую-либо из камер, мусора спрашивали: «В какую хату пойдешь?» Говорил: «К ворам» – значит, водворяли в камеру к ворам, «К мужикам» – сажали к мужикам, молчал – значит, попадал к парчакам.

С самого выезда из «Красной Пресни» воры нам не встречались, здесь же *урок* было двое – Мордак Саратовский и Костя Огарков из Москвы. К ним в камеру нас троих и закинули.

Как только мы перешагнули через порог камеры, шум и гвалт, стоявшие в ней до этого, тут же утихли. Не обращая внимания на сверлящие, любопытные взгляды, всем своим видом давая понять, что пришли к себе домой, мы сначала помогли присесть на нижние нары нашему чахоточному при-

ятелю, которого вели буквально под руки, а уж затем поприветствовали хату, как положено у арестантов нашего круга, и оглянулись по сторонам.

* * *

Камера эта была огромной, площадью около двадцати пяти квадратных метров. Такими славились в основном северные пересылки: Свердловск, Новосибирск, Иркутск. Справа от входа, от одной стены до другой, стояли двухъярусные деревянные нары около двух метров в высоту и в ширину. В стене, к которой примыкали нары, было пробито небольшое и наглухо зарешеченное окно. Такое же окно было и в левом от входа углу камеры, почти прямо над парашей, в ближнем же углу стояла полукруглая печь под потолок, огороженная решеткой. Печь топилась из коридора и обогревала сразу два помещения – наше и соседнее через стену. Вся остальная часть камеры отводилась для тусовок.

Хата была забита под завязку. При норме в тридцать заключенных, в ней в тот момент находилось не меньше ста. В камере было тепло и даже жарко. Арестанты занимались кто чем: играли в карты, тусовались и спали. Тюремная игра для большинства из нас была хлебом насущным – единственным занятием, благодаря которому можно было и «время провести, и кое-что приобрести».

Несколько фуфлыжников метались от нар до угла, где

стояла параша. Здесь они варили чифирь для тех, кто играл. Остатки «дров» – вафельных полотенец, чистых бязевых портянок или хлопчатобумажных хозяйских кальсон – тряпья, которое было в ходу, потому что от него почти не было гари, бросали тут же в парашу. При этом один из них держал чифирбак, другой занимался непосредственно варкой чифиря, поддерживая огонь факела под кружкой, а третий был наготове, открывая крышку параша в тот момент, когда небольшой кусок материи прогорал и начинал дымить.

Справа от входа на верхних нарах, под одной из двух неярких лампочек, расположились двое шпанюков в окружении братьвы. Хоть Мордаку и было тогда далеко за пятьдесят и он успел уже пройти все круги ада, изобретенные легавыми на этой грешной земле, все же хилым и приморенным назвать его было трудно. Это был круглолицый мужчина среднего роста, от природы коренастый и жилистый крепыш, чего нельзя было сказать о другом жулике.

Костя Огарков был больше похож на столичного интеллигента. Приблизительно одного возраста со своим братом по жизни, но все же чуть моложе его, он был высокого роста, с правильными чертами лица и очень худым. Судя по частому, сиплому кашлю, жулик болел туберкулезом, но держался, как и подобает вору, молодцом.

Босота пригласила нас подняться, и после некоторых формальностей, связанных с арестантским этикетом, мы заняли подходящие места в кругу братьвы. Некоторых босяков мы с

Пронырой знали и раньше. С кем-то из них в тюрьме сидел я, с кем-то чалился у хозяина Проныра. В общем, нам было что вспомнить и о чем поговорить.

В придачу ко всем своим лагерным талантам, Проныра был еще и «игровым», и, как выяснилось позже, в игре «третьями» с ним вообще ловить было нечего. Я тоже не прочь был раскинуть девять карт веером, но в этом мастерстве до моего кореша мне было далековато. Так что, отдохнув с дороги, на следующий же день мы ринулись в бой, благо карт в хате было хоть отбавляй.

Пересыльные камеры можно сравнить с караван-сараем. Круглые сутки по всей пересылке идет килешовка заключенных. Одних привозят, других увозят, кого-то перекидывают из камеры в камеру по режимным соображениям, о ком-то вообще не вспоминают месяцами. Охранники круглосуточно грохочут кормушками, предлагая арестантам по бешеным ценам самые ходовые на Севере товары: водку, спирт, чай, курево... Я не раз становился очевидцем того, как конвоиры исполняли роль обыкновенных халдеев. Они приносили зэкам из столовой обеды, как и положено у белых людей – на подносах, с салфетками и солонками. Нетрудно догадаться, во что обходился этот сервис каторжанам. Но, имея шальные деньги, каждый сходил с ума по-своему.

Через несколько дней после того, как мы прибыли на пересылку, в нашу хату из нового этапа закинули несколько человек. Их никто не знал, но вели они себя прилично, на во-

просы отвечали спокойно и с достоинством, без какого-либо фраерского апломба. Да и чалиться-то в этом клоповнике одному из них оставалось всего ничего – меньше месяца, тогда как у Проныры впереди из двенадцати лет, данных ему судом, оставалось еще около четырех. Как тут не вспомнить народную мудрость, которая гласит, что человек предполагает, а Бог располагает? Впрочем, не буду забегать вперед.

* * *

Арестанта, которому оставалась всего пара недель до свободы, кличили Трясогузкой. Внешне он был настолько похож на Проныру, что, при определенном умении сухариться, они бы без особого труда сошли друг за друга. Да и по лагерной жизни эти зэки были во многом схожи – объединяла их неумемная страсть к игре. Смею уверить любого, если в хате встречаются два «третьиста» одной масти, нет сомнения в том, что рано или поздно они встретятся за игрой.

Человек, незнакомый с бытом и нравами арестантов в тюремных камерах, равно как и в камерах-пересылках, в первую очередь задался бы вопросом: «Когда же эти игроки спят?» И этот вопрос был бы абсолютно справедлив, поскольку складывалось впечатление, что они не спали вообще. Кто бы ни чифирил в хате, он по неписаному арестантскому закону сливал в кружку играющим «пару напасов». Представляете, сколько они выпивали чифирия за сут-

ки? На еду, если игра была увлеченной, у них уходило совсем немного времени, да и ели-то они лишь раз в день.

Я и сам играл в карты и знаю, что когда игровому встречается равный ему по умению партнер, они будут сражаться до тех пор, пока кто-нибудь не обыграет соперника вчистую. Других исключений, кроме запала, этапа и прочих «форс-мажорных» обстоятельств, о которых в самом начале игры делается масса оговорок, нет и быть не может.

Шла уже вторая неделя с тех пор, как Проныра с Трясогузкой сели друг напротив друга, чтобы «разделить полсто-са», но масть пока была благосклонна к ним обоим. Конечно же, долго так продолжаться не могло, ведь на одной масти игра не строится и далеко на ней не уедешь. В любом случае в какой-то момент решающими факторами становятся *ловкость рук, терпение, умение вовремя остановиться и быстро сориентироваться в сложившейся ситуации*. Это основополагающая аксиома любой азартной игры, а происходит ли она в заключении или на свободе, разницы никакой нет.

Такой момент наступил на десятый день после начала баталии. Проныра овладел ходом игры и уже до самого ее конца не упустил вожжей из своих цепких рук третьиста. Трясогузка проиграл все, что имел: семнадцать рублей (червонец он отстегнул на общак, как только зашел в хату), доброт-но подшитые черные валенки, яловые сапоги, еще какие-то гнидники. Он расплатился, как положено, и тут же вырубился на нарах, провалившись в глубокий сон.

На этом, казалось бы, и должны были, по идее, разойтись картежники, но не тут-то было! Проспали они с Пронырой около суток и поднялись почти одновременно. Когда проснулись и чифирнули от души, Проныра стал рассказывать о чем-то, а Трясогузка спустился с нар и пошел «бить пролетку» по камере. Так продолжалось до вечера. Какое-то шестое чувство подсказывало мне, что все так просто не кончится и должно еще что-то произойти. Я видел, как горели глаза у Трясогузки, когда он расплачивался с Пронырой. Но в то же время, прикидывал я, ему ведь оставалось до свободы всего лишь несколько дней. Подумаешь, гнидники вкатил да копейку мизерную! Но все же я не сводил глаз с Трясогузки, лишь делая вид, что внимательно слушаю Проныру.

Той шепутной ночью в хате не осталось уже почти никого из тех, кто был в ней, когда мы здесь появились. Ушли этапом и урки. И тут вдруг Трясогузка возьми да и ляпни:

– Слышь, Проныра, а что, может, скатаем на срок? У тебя ведь еще четыре Пасхи впереди, а меня по-любому никто не ждет – сирота я детдомовский. Если даже и проиграю, не обидно будет.

Над кругом, собравшимся у дымящейся кружки с чифирем, повисла гнетущая тишина. Все думали о предложении Трясогузки, но от комментариев воздерживались. Первым, как и положено было, прервал молчание Проныра:

– А в случае запала?

– Да какой там запал? Если голову сам в петлю не сунешь,

то и не спалишься. Я уже все обдумал, целый день тусовался. При правильном раскладе мы с тобой оба сможем соскочить.

– Это каким же образом?

– Да обыкновенным!

Тут они, извинившись, уединились и с полчаса оживленно беседовали вполголоса, а затем, видно договорившись, вновь вернулись в круг и сделали «объявку», но так, чтобы слышать их могли только мы. После этого они вновь достали стирки и возобновили игру.

* * *

К тому времени я уже и отсидел немало, да и повидал всего предостаточно, но о такой игре не слышал никогда. Можете себе представить, как все следили за этой необычайной дуэлью? Ведь на кону была свобода, где еще такое увидишь!

В течение следующих двух безумных суток всем нам удалось поспать лишь по несколько часов, да и то по очереди. Откровенно говоря, мне от души было жаль Трясогузку. Чего он только не предпринимал, каких только кренделей не выделывал, чтобы отыгаться, но бешеная масть и картежный фарт были явно на стороне Проныры, и к вечеру второго дня игры Трясогузка спекся. Оставалось тогда ему, а вернее, уже Проныре, до свободы ровно сутки. Можете себе представить, с каким нетерпением все мы ждали обеда следующего дня? Именно в это время на кировской пересылке

обычно освобождали из-под стражи.

Но всё приходит, проходит и время безудержно, так что утро наступило, как и было назначено ему природой, в положенный срок. Надо ли говорить, что той ночью никто из нас не заснул ни на минуту? Чахоточный глухарь-четверташник, который вместе с нами заехал в эту хату, оказался прирожденным гримером. Он пережег кусок резины, затем из известки, соскобленной со стен, приготовил какой-то клейкий раствор, куда добавил еще какие-то ингредиенты, и за ночь так преобразил Проныру, что их с Трясогузкой, пожалуй, не смогли бы различить даже родные матери.

С утра Трясогузка притворился спящим и не поднимался до самого вечера, а Проныра принялся тусоваться по камере. Ближе к обеду дверь хаты распахнулась, и на пороге появился начальник спецчасти с личным делом Трясогузки в руках, ДПП (дежурный помощник начальника пересылки) и разводной мент.

– Ильичев!

– Я, начальник! – выкрикнул Проныра, подойдя вразвалочку к дверям.

– Не «я», а фамилия, имя, отчество, год и место рождения, статья и срок. Понял, придурок?

– Понял, начальник, отчего же не понять, – пробубнил, как бы в испуге, Проныра и тут же выпалил выученные за ночь анкетные данные Трясогузки.

Начальник спецчасти все это время тщательно сличал его

физиономию с фотографией в личном деле, но, убедившись, в конце концов, в том, что перед ним действительно Трясогузка, а не кто-нибудь другой, грубо выкрикнул:

– Много разговариваешь, Ильичев! Может, остаться захотелось?

– Да нет, что вы, начальник.

– Ну, тогда давай двигайся живее. Пошел вон отсюда, урод! – что на языке нормального человека должно было означать: «Выходите, вы свободны!»

Проныра повернулся лицом к камере, помахал на прощанье рукой, подмигнул мне, не в кипеш, и вышел за порог хаты, все так же вразвалочку и не спеша. Больше я его никогда не видел.

Целый день мы прислушивались к шумам в коридоре и на дворе пересылки в тревоге и ожидании. К вечеру Трясогузка «проснулся», подошел к двери и с показным волнением стал подзывать мусора. Тот не заставил себя долго ждать, полагая, что арестант хочет у него чего-то купить, подошел и открыл кормушку. Трясогузка нагнулся и спросил, как бы шутя:

– А что, начальник, освободить-то меня думаешь? А то я уже запарился ждать: срок-то вышел давно.

– Да, конечно, скоро тебя освободят, демонюга, только на парашу с вещами. Понял? – проговорил заранее заготовленную вертухайскую остроту конвоир и, довольный, ушел прочь, заливаясь безудержным детским смехом. Но ближе к ночи ему стало уже не до шуток.

Весь вечер Трясогузка ходил по хате, изображая взбужденность и нервозность, проклиная мусоров, суд, который его осудил, прокурора и все правоохранительные органы, вместе взятые. Дело прошлое, у него это получалось неплохо, но и мы, непосредственные очевидцы происходившего, внесли свою лепту в его постановку. Все это делалось для того, чтобы при разборе мусора не подумали, что в этом замешан сам Трясогузка, иначе легавые забили бы его до смерти. К счастью, он избежал этой участи, хотя я уверен, на пару-тройку дубинок он все-таки раскрутился.

Сразу же после вечерней пересменки Трясогузка тут же принялся жаловаться корпусному, что его ни за что ни про что продолжают держать в тюрьме. Сначала корпусной решил было отшутиться, глядя на его идиотскую физиономию. Но чуть позже, когда ему сказали, что сегодня арестанта с такой фамилией освободили, он встревожился не на шутку. Он закрыл дверь и, даже не доведя проверку до конца, куда-то исчез. Через час он вернулся, но уже с хозяином, кумом и еще несколькими мусорами. Из хаты выдернули человек десять каторжан с Трясогузкой в придачу, и вернулись они назад лишь глубокой ночью. Трясогузки с ними уже не было.

До самого утра мы расспрашивали арестантов о том, что происходило у хозяина, и из их ответов поняли, что Трясогузка доиграл свою роль превосходно. А уже чуть позже, за завтраком, нам стало известно, что его освободили.

Ни я, ни кто бы то ни был другой из присутствовавших тогда в хате не знали, о чём, уединившись на полчаса, говорили Проныра с Трясогузкой. Через несколько лет, лежа на нарах в одной из камер изолятора в Княжпогосте, я подумал, а как бы я сам поступил на месте Проныры?

Расстояние от Кирова до Горького – около четырехсот пятидесяти километров. У него было две возможности: добраться на машине или по железной дороге. Но, главное, сколько времени оставалось в запасе? А его-то как раз было в обрез, около одиннадцати часов, не более. Ведь сразу же после вечерней проверки, ну, может быть, чуть позже, когда до мусоров дошло, что они освободили не того, кого надо, Проныру объявили в побег. А это значило, что только в лесу среди зверей, у которых нет ни телевизоров, ни радиоприемников, ни телефонов, он мог чувствовать себя в относительной безопасности. Как Проныра умудрился за это время исчезнуть из поля зрения всеильных органов и очутиться на Большой земле в безопасности, для меня до сих пор остается загадкой, ну а то, что затея его удалась, и он до сих пор числится в побеге, я знаю абсолютно точно.

Сноски к рассказу «Вертун»

Арестант – уважаемый всеми заключенный, придерживающийся воровских законов и традиций. Арестантом могут называть тех, кто придерживается воровских канонов и хоть немного соответствует образу жизни воров в законе. Говорить, что арестант «порядочный», неправильно, ибо «непорядочных» арестантов просто не бывает.

Бить пролетку – прогуливаться в тюремной камере или на прогулочном дворике тюрьмы от одной стены к другой.

Босота – представители преступного мира, которые не только придерживаются воровских традиций, но и живут по их канонам.

БУРа – барак усиленного режима. Камера, рассчитанная на несколько человек, находящаяся на территории колонии, или за ее пределами. После Указа от 1961 года в него водворяли осужденных, нарушивших режим содержания (на срок до шести месяцев – на общем, усиленном и строгом режиме и на год в одиночной камере – на особом режиме). БУР отличался от карцера тем, что питание здесь было общее, то есть, такое же, как и в колонии, а после отбоя, когда отстегивались нары, заключенным выдавали матрасы на ночь. Аббревиатура употреблялась с начала 1930-х вплоть до конца 1960-х годов, когда была заменена аббревиатурой «ПКТ» – помещение камерного типа.

Вертухайскую острогу – пошлая реплика, которую надзиратели частенько применяют в адрес заключенных.

В игре «третьями» – в лагерной игре в карты, которая проводится двумя колодами. Один из партнеров ставит какую-либо из карт, не показывая ее партнеру, а другой ее отгадывает.

В Княж-погосте – поселок в бывшей Коми АССР, где располагалось несколько колоний строго режима (единичка, двойка, тройка).

В кругу братвы – в кругу единомышленников.

Воровской общак – «общак», который собирается как в местах лишения свободы, так и на воле, исключительно на нужды воров в законе.

В стольпинском вагоне – в вагоне, в котором перевозят заключенных.

Гнидниги – нижнее белье: трусы, майка, кальсоны.

Для тусовок – место для того, что бы «бить пролетку» см. выше.

Два «третьиста» одной масти – оба игрока-третьиста принадлежат к одному сословию. Например, мужики по жизни.

Других исключений, кроме запала – других исключений, кроме обнаружения сотрудниками чего-либо запрещенного.

Демонюга – заключенный, грубо нарушивший какой-либо закон преступного мира, а, оказавшись среди людей, ко-

торые его не знают, не просто скрыл свой позор, но и выдал себя за авторитетного человека, которым, возможно, и был ранее.

Жулик – вор в законе.

Зэкам – заключенным.

Из «Столыпина» в воронок – из вагона, в котором перевозят заключенных, в автомобиль предназначенный для тех же целей.

Каторжанин – осужденный с большим стажем отсидки, который не изменяет воровскому образу жизни. Им может быть как блатной, так и мужик по жизни.

Камера-сборка – предкарантинная камера. Такие камеры бывают двух видов. Первые предназначены для водворения прибывших с этапа и ИВС, для того, чтобы до вечера провести дактилоскопию и другие процедуры, а ближе к отбою водворить в карантин. Во вторые помещают заключенных СИЗО, которые прибыли из суда или со следственного эксперимента с тем, чтобы к вечеру возвратить их в камеры, где они содержались прежде.

Килешовка – перевод из одного помещения в другое. Как правило, этими помещениями являются тюремные камеры, корпуса и т. д.

Кличили – была воровская кличка...

Клоповник – Маленькая грязная камера без окна в ИВС, кишашая клопами. В ней нет туалета, зато есть бадья-параша. По большой нужде выводят раз в сутки, ранним утром.

Кормят скудно и лишь раз в день. Матрасов не дают. Ходить негде, так что приходится лежать на деревянном настиле.

Кореша – друг, приятель. Пришло с еврейского языка. Изначально, на иврите, слово «корэв» означало «родственник». Корэв, в дореволюционной Одессе быстро превратился в «корэша», а затем уже в привычного нам «кореша».

Крытки – тюрьма. В середине войны некоторых опасных преступников стали вывозить из лагерей и заключать в тюрьмы. Именно в это время появились знаменитые крытки. До того тюрьмы в бывшем СССР использовались исключительно в качестве СИЗО и пересылок. Первоначально в качестве крытых были задействованы четыре тюрьмы: златоустовская, тобольская, новочеркасская и вологодская. Заключенные там содержались в специальных камерах и носили полосатую одежду.

К хозяину – в колонию.

Легавые – сотрудники милиции.

Мусоров – сотрудников милиции или мест лишения свободы.

На пересылке – в тюремный пересыльный пункт, куда доставляют заключенных для дальнейшего распределения.

Не спалишься – не допустишь, чтобы обнаружили что-то запрещенное.

Не в кипеш – не спеша, соблюдая осторожность.

Пробить кабур – пробить отверстие в стене в соседнюю камеру с тем, чтобы общаться с соседями и обмениваться

необходимым: куревом, чаем и т. п.

Параша – 1) Емкость для испражнений, которая устанавливается в камере. Как правило, в СИЗО для этих целей использовались старые сорокалитровые фляги из-под молока, поскольку у ее основания на крышке находилась резиновая прокладка, которая не пропускала запах. В камерах существовало правило, согласно которому опущенный должен был есть и развлекать сокамерников, сидя на параше. Следует отметить, что к началу 1970-х годов параша в тюрьмах бывшего СССР были заменены камерными туалетами. Что же касается камер ИВС и им подобных, то в них параша заменяют теперь небольшие пластмассовые ведра. 2) Непроверенный или ложный слух, сплетня.

Пару напасов – две затяжки или два глотка. Смотря о чем идет речь.

Разделить пол стоа – сыграть в карточную игру «третьими». В ней партнеры периодически (по три раза каждый) одной картой подрезают стос, деля его на две части.

Соседнюю хату – тюремную камеру, расположенную по соседству.

Сухариться – выдавать себя не за того, кто ты есть на самом деле.

Стиры – карты, изготовленные в местах лишения свободы. Чаще всего это происходит в крытых и ПКТ, так как в зоне всегда есть возможность переправить с воли фабричные карты. Называются они так потому, что шулера часто

стирали символы на картах. Представляют они собой аккуратно нарезанные листы бумаги, склеенные в четыре, иногда и в пять слоев, все зависит от ее толщины. Как правило, это простая, то есть, не лощеная бумага с продольным слоем, на которую наносится клейстер. Затем следует просушка, прессовка, обрезание неровных концов, печатание, заточка и заправка. Весь процесс занимает не менее суток.

Сделали «объявку» – объявили о чем-то очень важном на данный момент.

С хозяином, кумом и еще несколькими мусорами – с начальником колонии, начальником оперчасти и еще несколькими сотрудниками администрации колонии.

Тусовались – ходили, беседа.

Урок было двое – воров в законе было двое.

Фраерского апломба – чрезмерной самоуверенности.

Фуфлыжник – уплата карточного долга – это дело святое и арестант, который не смог его вернуть, в лучшем случае становится фуфлыжником. А чаще, как говорят на зоне, его очко уходит в зрительный зал. Для бродяг игра с фуфлыжником, хоть и на сразу – табу, в противном случае бродяга переходит в разряд лагерных изгоев.

Халдеев – шестерок.

Хата была забита под завязку – камера была переполнена народом.

Чалился у хозяина – отбывал срок наказания в колонии.

Чахоточный глухарь-четверташник – больной тубер-

кулезом, засиженный заключенный, у которого срок был двадцать пять лет.

Червонец он отстегнул на общак, как только зашел в хату – десять рублей он тут же отдал на общак, как только вошел в камеру.

Чифирь – чрезвычайно крепко заваренный чай. Обычно в трехсотграммовую кружку с водой засыпают пятидесятиграммовую пачку.

Чифирбак – посуда, предназначенная для приготовления чифиря, обычно – поллитровая алюминиевая кружка, которую выдают в колонии.

Шпанюков – воров в законе.

Малява

Эх, малолетка, малолетка! И чему только я не научился еще пацанёнком, проведя в тюремных застенках часть детства и почти все годы отрочества – начало своего долгого пути по тюрьмам и лагерям нашей необъятной Страны Советов? Сначала, в 1959 году, меня, двенадцатилетнего мальчишку, водворили в ДВК (детскую воспитательную колонию), где я провел два с половиной года, пока меня не забрал оттуда только что освободившийся из мест заключения отец.

Но свободой я наслаждался недолго, да и не дорожил ею, еще даже не осознавая в полной мере, что означает это слово, и в результате через несколько месяцев за уголовное преступление вновь оказался запертым в четырех стенах, но теперь уже на тюремных нарах.

Мне тогда только-только исполнилось четырнадцать лет, а значит, я уже был подсуден и получил три года за воровство. Приговор народного суда города Махачкалы я отбыл, как и положено молодому босяку, от звонка до звонка. Больше того, за это относительно недолгое время я несколько раз побывал «под раскруткой», а последними местами моего заключения за эти три года были колония «специально усиленного» режима в Нерчинске (одна из всего двух на весь Советский Союз) и ростовская тюрьма, откуда я и освободился.

Таким образом, еще до наступления совершеннолетия я умудрился провести в неволе пять с половиной лет.

Какие только «капканы» не выкидывали мы тогда мусорам, лишь бы только навредить режимным службам и тем самым обратить на себя внимание взрослых бродяг и урок! Что только не предпринимали для того, чтобы научиться быть истинными каторжанами! А сколько безумств вытворяли в камерах, на прогулочных дворах и в коридорах тюрьмы, трудно даже перечислить.

Конечно же, за это время случилось множество любопытных и курьезных случаев, в которых я был либо очевидцем, либо самым непосредственным участником.

Это случилось зимой, больше сорока лет тому назад, в восемнадцатой камере махачкалинской тюрьмы, которая располагалась тогда на втором этаже серого, всегда хмурого и угрюмого Екатерининского строения. Было мне тогда чуть больше четырнадцати. Если посчитать, то окажется, что в тюрьме своего родного города мне довелось побывать пять раз, как до суда, так и после него. Суммируя все временные отрезки, получим чуть больше полутора лет, но, что характерно, махачкалинский каземат именно тех далеких лет запомнился мне больше всего. Если чуть-чуть поднапрячь память, то каждый свой прожитый в тюрьме день я смогу воспроизвести в мельчайших подробностях и деталях. Наша детская память – штука необычайно хваткая и оставляет зарубки на всю жизнь.

То было время не просто больших перемен, связанных с заменой денежных знаков и уголовного кодекса, это была еще и эпоха грандиозных преобразований в структуре ГУЛАГа. Если раньше, например, все заключенные содержались вместе (за исключением обитателей специальных лагерей), то теперь осужденные были разделены на пять режимов: общий, усиленный, строгий, особый и тюремный или в просторечии – «крытый».

Теперь уже мало кто знает, что в тюрьме Махачкалы, которая изначально имела статус следственного изолятора, с введением уголовного кодекса 1961 года появился еще и крытый режим содержания. Больше того, после введения высшей меры наказания – расстрела – махачкалинская тюрьма превратилась к тому же в тюрьму исполнительную. Здесь стали приводить в исполнение приговоры Верховного суда, а проще говоря, расстреливали осужденных на смерть людей.

За свою долгую жизнь в неволе мне пришлось объездить по этапам не одну сотню тюрем по всей стране, но, видит Бог, тюрьмы хуже, чем следственный изолятор Махачкалы, я не встречал. Может, это было связано с печальными страницами ее истории, а возможно – просто таково мое предвзятое мнение, но факт остается фактом: все те босяки, которые когда-либо чалились здесь, в один голос утверждают то же самое.

Думаю, читателю непросто будет представить, как малолетние правонарушители жили в такой тюрьме, где в камерах через стенку находились особо опасные рецидивисты, воры в законе, убийцы и разбойники, а на продоле тусовались попки-исполнители. Но как бы ни влияли на нашу психику и поведение старшие заключенные, малолетка всегда оставалась малолеткой, со своими абсолютно дикими законами бытия, неслыханным беспределом и яростной жестокостью. Все это было порождением голодного послевоенного детства и закона джунглей, по которому нам приходилось даже не жить, а выживать на улице.

Камера, где мне пришлось провести чуть больше трех долгих зимних месяцев, по сравнению с другими, была довольно просторным квадратным помещением – двенадцать на двенадцать метров. Она отличалась от хат, где сидели взрослые заключенные. В ней было десять одноярусных панцирных шконарей, привинченных к деревянному полу, точно по числу находившихся в ее стенах юных арестантов. В остальном это была обычная тюремная хата: два огромных окна, на подоконнике которых запросто могли бы вытянуться несколько заключенных, безо всяких козырьков и ресничек – жалюзи, которых к тому времени еще не успели придумать институты ГУЛАГа, параша в левом от входа углу

и длинный, тоже привинченный к полу, стол. Потолок был очень высоким, поэтому две шестидесятисвечовые лампочки были недостижимы для подростков.

Администрация тюрьмы часто подсаживала в камеры, в которых содержались малолетки, взрослых заключенных. Это делалось, так сказать, в воспитательных целях. Называли таких «воспитателей» «паханы». В основном это были арестанты-первоходы, но с богатым жизненным опытом на свободе: шоферы, попавшие в тюрьму из-за аварий, унесших человеческие жизни, взяточники, растратчики государственной собственности и тому подобная публика. С нашей камерой тоже попытались было провести такой эксперимент, но мы этого горе-воспитателя ночью сначала избili хорошо, а после этого еще и изнасиловали хором.

Арестанты из камер строгого режима дали нам вечером цинк, что воспитатель этот – ни кто иной, как конченная лагерная сука, из-за которой уже пострадало несколько человек. Они оказались в тюрьме именно по его доносам. Ясное дело, эта падаль боялась расправы и не могла находиться среди заключенных, знавших о его прошлом. Поэтому-то штатный воспитатель нашего корпуса, лейтенант-дегенерат с тупой физиономией самовлюбленного спортсмена, посадил его к нам в камеру, спасая от праведного гнева арестантов и даже не догадываясь о том, какую ошибку он совершает. Этого идиота потом сняли с работы, а против четверых из нас возбудили дело за мужеложство. В те времена такие дей-

ствия подпадали под 121-ю статью нового уголовного кодекса.

Я и четверо моих сокамерников, кому еще не исполнилось шестнадцати лет, и одноглазый парень из Дербента избежали этой позорной участи. Целую неделю после случившегося мы терялись в догадках и никак не могли понять, каким образом менты узнали о происшедшем уже на следующее утро, еще до проверки, если до этого никто из камеры не выходил. Хотя мы и были тогда совсем еще зелеными пацанами, но принялись анализировать случившееся и припоминать похожие случаи.

А вспомнить было что. Однажды, например, после того как мы с одним парнишкой ночью сделали себе наколки, утром, чуть ли не с подъема, нас обоих утащили в карцер. Правда, втерли нам тогда лишь по пять суток, но все же...

Или еще случай. Тюремный забор с восточной стороны тюрьмы отделял ее от находившегося по соседству лагеря. Сейчас на этом месте строится новый следственный изолятор, а в те времена находилась первая махачкалинская колония общего режима. Так вот, осужденные из числа хозяйственной службы лагеря приходили в тюремный дворик, который располагался прямо под нашими окнами и был виден из них, и заготовливали дрова на зиму, пилили и кололи их. Малолеток, которые содержались прежде в одежде, в которой они были арестованы, после указа 1961 года начали полностью переодевать в робу. Обувь, правда, нам тогда еще

оставляли. Вот мы и обменивались с этими чертополохами, закидывая вниз коня и спуская по нему обувь, а хозобслуга посылала нам за это анашу.

Несколько раз этот бартер удался, но однажды после утренней проверки пришло начальство и отобрало у нас обувь, которая хотя бы теоретически могла пользоваться спросом, оставив взамен какие-то безразмерные бахилы. Тех же, кто менял ее давеча, закрыли в карцер.

Произошло и еще несколько инцидентов, после которых некоторых из нас лишали передач, а иногородних – посылок. Так что нам всем было о чём призадуматься.

В то время в тюрьме находилось четверо жуликов: Паша и *Джибин* (муха) – два кореша-карманника были родом из Махачкалы, кроме них сидели Бондарь Воронежский и Коля Шоколадный из Витебска. У всех урок был *крытый режим*, а это значило, что содержались они отдельно от подследственных.

Однажды, по чистой случайности, мы все же *схлестнулись со шпаной*. «Крытники» тусовались в прогулочном дворике через стенку от нас. Никогда не забуду, как я был рад этой встрече, ведь с Джибином мы жили по соседству, в одном квартале, а наши с Пашей дома стояли вплотную друг к другу. Разумеется, оба они знали меня с раннего детства.

В любой тюрьме на прогулочных двориках между стенами и полом располагались небольшие отверстия для стока воды. Арестанты потихонечку, полегонечку расковыривали

такую дырочку и со временем из неё получался внушительных размеров *кабур*, после использования которого, перед возвращением в камеру, аккуратно заделывали кусками асфальта или глины.

Был такой кабур и в нашем прогулочном дворике. Через него-то я почти всё время прогулки и проговорил с Пашей и Джибином. Я, конечно же, поведал им о том, что произошло у нас в хате с тем, и попросил их помочь вычислить иуду. В том, что нас сдали с потрохами, не было никаких сомнений. Вот только оставалось загадкой, кем и каким образом это было сделано.

* * *

– Есть ли в хате люди, которых ты знаешь со свободы? – спросил меня не в кипеш Паша.

– Да, есть двое, – ответил я. – *Шайтан* и Андрюха, мой приятель со старой Махачкалы. Я *тычил* с ними на свободе и знаю их с детства. Пацаны нашенские, никогда ни в чем ззорном замечены не были.

– А ну-ка подзови их сюда.

Я окликнул обоих, и, когда они подошли и согнулись над кабуром, Паша не спеша и в мельчайших деталях объяснил, что мы должны сделать, чтобы выявить в камере эту молодую суку.

Клацанье ключа в замочной скважине прервало наше об-

щение, но к тому времени мы обо всем уже успели поговорить и понять всё, что нам было нужно.

Возвратившись с прогулки в камеру, мы вели себя так же, как и обычно, стараясь не выдать бушевавшего в груди волнения. Не стоит забывать, что каждому из нас было тогда лишь чуть больше четырнадцати лет.

Почти целый день я *протусовался по хате*, понимая, что за мной наблюдают. Переваривая все то, что объяснил нам на прогулке Паша, и, можно сказать, впервые в своей жизни столкнувшись с таким и иным проявлением предательства, я никак не мог понять, как же этот гад, ломая с нами один кусок хлеба, мог пойти на такое.

Урки объяснили нам, что этой суке было легче всего *цинковать ментам* утром.

– Но как он это делал? – спросил я Пашу.

– Да очень просто. Пока вы, сонные, надевали штаны, протирали глаза и подходили к *кормушке* за завтраком, он первым оказывался возле неё и *не в кипеш* бросал на *продол малвяку*. Корпусной подбирал её и относил *куму*, который и отдавал соответствующие распоряжения о лишении очередной передачи или свидания, о водворении в карцер и так далее.

Вечером, немного успокоившись, я принялся писать письмо домой, а чуть позже, как будто вспомнив о чём-то, ко мне подсел *Шайтан* и сказал, чтобы я попросил свою мать зайти к ним домой с какой-то просьбой.

Всем было известно, что мы *кентовались* ещё со свободы

и жили неподалеку друг от друга, поэтому и поведение наше не должно было вызвать никаких подозрений у *шуды*, который, после нашего разговора с ворами, настороженно наблюдал за нами, почувствовав что-то неладное.

Послание мое было адресовано не матери, я писал его... куму. Да-да, не удивляйтесь, именно куму. Посередине полностью исписанного листа я вставил следующие слова: «Я разоблачен, срочно заберите меня отсюда, иначе убьют!»

Не зная, кто из сокамерников на самом деле был предателем, а значит и не имея понятия о его почерке, я специально настрочил *маляву* покорявее, как бы давая понять адресату, что времени у меня нет. Когда *ксива* была готова, к столу подошел Андрюха с коробкой домино и, как бы возмущаясь тем, что мы так долго занимаем стол, сказал громко, чтобы было слышно на всю камеру: «Ну ладно, пацаны, хватит ерундой заниматься, дайте поиграть!» При этом он *не в кипеш* кинул *шницфт* в исписанный лист бумаги, и тут же стрельнув взглядом, дал понять, что прочёл всё, что нужно. Андрюха сел на лавку и, высыпав на стол кости, стал их перемешивать.

Ночью, когда почти все уже спали, я на всякий случай под одеялом вырезал из середины моей писанины послание, адресованное *куму*, и, свернув клочок бумаги в *малявку*, спрятав ее в трусах. По сути, я повторил ту же самую операцию, которую, по нашим предположениям, каждый раз проделывала эта сука, когда хотела сдать кого-либо из нас куму,

штампую свои донесения. Вот только цели у нас с этой мразью были разные.

До утра, а точнее, до того момента, когда кормушка с лязгом хлопнула на ржавых петлях о дверь и *баландер* крикнул: «Завтрак! Подъем, *шпана безусая!*» – я не сомкнул глаз ни на секунду, Первым выскочив из-под одеяла, я тут же подбежал к двери и, встав сбоку, чтобы меня не было видно из коридора, и в то же время, закрыв собой обзор находившихся в хате, резким движением руки выбросил *маляву* в коридор. После этого, отойдя в сторону и с *понтом*, протирая спр-сонья глаза, я стал внимательно наблюдать за тем, как сокамерники берут миски с завтраком, но ничего подозрительного не заметил.

Через несколько минут, даже не прикоснувшись к еде, уже одетые, мы с Андрюхой *тусовались* от *параши* до стола, загораживая выход, на случай, если сука захочет внезапно *ломануться из хаты*. *Шайтан* это время стоял возле двери, опершись о косяк, явно давая понять, что сейчас что-то должно произойти. В камере почувствовалась напряжёнка: ведь четверо из сокамерников были новичками и не могли понять, что происходит, тогда как трое остальных сидели на *икона-рях* почти рядом и, глядя на нас в недоумении, хотели, чтобы мы объяснились как положено.

Вскоре всё встало на свои места. За несколько минут до утренней проверки дверь камеры отворилась и ключник, стоявший в дверях вместе с корпусным, выкрикнул фами-

лию одного из сокамерников. Я ушам своим не поверил, ибо он вызвал одноглазого. Дело в том, что эта мразь первая предложила изнасиловать «пахана» и первая сделала это, особо усердствуя в избиениях. Он был старше и сильнее нас всех. Мы-то подумали, что *мусора* его пожалели из-за инвалидности, а оно вон как оказалось...

Не понимая, в чём дело, но делая на всякий случай беспечный вид, он попытался было вразвалочку подойти к двери и ломануться, но не рассчитал и наткнулся на ногу Шайтана, который коршуном прыгнул на него и вцепился ему в горло зубами. Тут и мы с Андриюхой подоспели.

Мусора не успели даже *щекотнуться*, как эта падаль уже истекала кровью и, вырываясь, орала что есть мочи. *Шайтан*, вцепившись ему в горло, вырвал зубами кусок мяса, но до сонной артерии не добрался. Зато нам с Андриюхой повезло больше. *Паскуда* оказался крепким детиной, а когда такие *мрази* чувят смерть, силы их удесятерятся, но мы все же сумели за эти несколько минут добраться до его единственного *шинфта* и *потушили его навеки*.

* * *

Не знаю, как сейчас, но в те далекие времена администрация тюрем применяла по отношению не в меру строптивым *малолеткам* – *смирительную руднику* – резиновый комбинезон с длиннющими рукавами и множеством завязок. Это

считалось самым крайним средством для усмирения нарушители режима содержания. Я не встречал человека, который при этом не сходил бы под себя. Поначалу, когда узника только пеленали, ему казалось, что все это чепуха. Но первое впечатление было ошибочным. Через некоторое время резина постепенно сжимала суставы и каждая клеточка человеческого тела начинала испытывать адские муки. Крик, стоны, мольбы о помощи – но всё тщетно. Тюремный врач в таких случаях ориентировался на *кума* или на *режимника*: всё зависело от того, чей это был «клиент».

Не избежали этой участи и мы. Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. При этих экзекуциях надлежало присутствовать врачу, хотя, как я уже сказал, присутствие это было пустой формальностью. *Лепилы* в тот момент на месте не оказалось, злость же *мусорская* была через край, и они решили нарушить строгую инструкцию и стали пытаться нас сами. Результат оказался предсказуемым. У Андрюхи во время применения пыток пошла горлом кровь и его пришлось срочно госпитализировать в городскую больницу Махачкалы с каким-то мудрёным диагнозом, ну а нас с Шайтаном, испугавшись последствий, тут же распеленали и закрыли в карцер на десять суток, но «*крутить*» позже не стали.

Впоследствии Андрюху освободили из-под стражи прямо в тюрьме, хоть впереди у него и была еще *двушка*. Это было непременным условием его родителей – лишь только в том

случае они соглашались не подавать в суд на тюремную администрацию. А родители у Андрюхи по тем временам были крутые: мать преподавала в школе немецкий язык, а отец работал в *обкоме* (областной комитет) партии.

Итак, та камерная сука окончательно ослепла, но и Андрюха остался инвалидом на всю оставшуюся жизнь. Больше он в тюрьму не попадал, в отличие от нас с Шайтаном.

О выходках *Шайтана* и до сих пор в Махачкале ходят легенды. Однажды в камере покойный Хапа *наколел на его лопатке*: «Смерть прокурору от руки Шайтана!» Прошли годы, и попал он как-то этапом в волгоградский красный лагерь, где у него попытались эту надпись вырезать. На операционном столе *бедолага* и отдал Богу душу. Впрочем, я все же склонен думать, что его попросту убили *лагерные коновалы*.

Сноски к рассказу «Малява»

Анаша – высушенный и перемолотый куст конопли с листьями и стеблями и головками растения после снятия пыльцы (гашиша). Хотя это слово – южного происхождения, его с дореволюционных времен употребляют во всех регионах страны, кроме южного, поскольку в республиках Северного Кавказа, Закавказья и в Средней Азии говорят: «план». Не следует путать с гашишем.

Баландер – разносчик пищи в местах лишения свободы.

Бедолага – в местах лишения свободы – мужики по жизни. Администрация чаще, чем других водворяет их в изолятор, БУР, а иногда и под раскрутку. Как правило, они находятся в заключении не один десяток лет и слывут людьми невезучими.

Бахилы – сапоги особого покроя, которые выдают в местах лишения свободы, только на лесных командировках. Во избежание того, что упавшее бревно придавит пальцы ног, они защищены круглой чашечкой, сделанной из твердого материала.

Бросал на продол малявку – бросал в тюремный коридор записку.

Бродяг и урок – воров и тех, кто рядом с ними.

Втерли – дали.

Двушка – два.

Джибин – муха, в переводе с языка кумыков (народность в Дагестане).

Жуликов – воров в законе.

Закидывая вниз коня – опуская вниз веревку или сплетенные вместе несколько ниток с тем, что бы принять или отправить что-либо. Не обязательно, чтобы это были запрещенные вещи, как то наркотики, деньги и т. п. Ими зачастую бывают записки (как правило, личного характера), курево и чай.

Истинными каторжанами – заключенными, которые свято чтят законы тюрьмы, а значит и воровские устои.

Иуды – предатели.

Кабур – небольшое отверстие, проделанное в стене, в полу или в потолке камеры. Пробивают кабуры черенком от алюминиевой ложки – единственным доступным в тюремных условиях инструментом. При обнаружении кабура надзиратели приводят рабочих, которые тут же заделывают отверстие цементом, но через какое-то время оно появляется вновь.

Капканы – определенного рода махинации, хорошо обдуманнные нетривиальные ходы, в результате которых противник попадает в сложную или щекотливую ситуацию – западню.

Карцер – штрафной изолятор в местах лишения свободы.

Кентовались – были друзьями.

Конченная лагерная сука – доносчик, предатель, для которого не существует ничего святого. Воровской закон гласит: любой арестант, считающий себя таковым, при первой же возможности, обязан убить любого из них. Так и происходит. Суки знают об этом, поэтому и лютуют. Как правило, они числятся за каким-либо управлением, а некоторые – вообще за Москвой.

Кормушка – небольшое отверстие (15 × 30 см) в дверях камер тюрьмы, карцера, ШИЗО, ПКТ и тому подобных помещений для передачи продуктов питания и предметов, разрешенных действующим законодательством.

Крутить – добавлять лагерный срок к уже имеющемуся по приговору суда со свободы.

Крытники тусовались – осужденные крытого режима ходили в разные стороны.

Куму – начальнику оперчасти.

Ксива – в данном случае записка.

Лагерные коновалы – медицинские работники в ИУ.

Лепилы – ничего общего не имеющие с медициной сотрудники медчасти ИУ.

Ломануться – выбрав удобный момент, выбежать из камеры. Как правило, к этому прибегают подследственные или осужденные, по тем или иным причинам нарушившие тюремные устои: проигравшие и не заплатившие вовремя карточный долг, укравшие что-либо у своего собрата по несчастью, выдавшие соучастника преступления, или те, кто пы-

тался до поры до времени скрыть позорное прошлое, получил по заслугам и изгнан из камеры. Обычно это происходит это во время утренней или вечерней проверки, когда надзиратели открывают дверь. Но бывает и так, что камеру хочет покинуть молодой бродяга. Причина в данном случае, одна – не сошелся характером с себе подобными. Впрочем, на этот счет существует строгое правило: «ушел из хаты – значит, ушел из жизни босяцкой», и обратной дороги уже нет.

Малолетки – колонии для несовершеннолетних преступников.

Малява – записка.

Молодому босяку – подающему надежды будущему во-ру в законе.

Мрази – негодяи.

Мусорам – в данном случае сотрудникам администрации ИУ.

Наколол на его лопатке – сделал татуировку на лопатке.

На продоле тусовались попкари-исполнители – в коридоре ходили надзиратели, которые приводили приговор суда – расстрел в исполнение.

Не в кипеш – очень осторожно.

Одноярусных панцирных шконарей – имеются ввиду тюремные кровати для несовершеннолетних преступников, в тюремных камерах.

От звонка до звонка – от начала и до конца срока за-

ключения.

От хат – от камер.

Параша – 1) Емкость для испражнений, которая устанавливается в камере. Как правило, в СИЗО для этих целей использовались старые сорокалитровые фляги из-под молока, поскольку у ее основания на крышке находилась резиновая прокладка, которая не пропускала запах. В камерах существовало правило, согласно которому опущенный должен был есть и развлекать сокамерников, сидя на параше. Следует отметить, что к началу 1970-х годов параша в тюрьмах бывшего СССР были заменены камерными туалетами. Что же касается камер ИВС и им подобных, то в них параша заменяют теперь небольшие пластмассовые ведра. 2) Непроверенный или ложный слух, сплетня.

Паскуда – тот, кто поддерживает постоянную связь с милицией и в некоторых случаях использует ее в собственных целях. Паскуды, как правило, долго не живут. После разоблачения их сразу же ликвидируют, тогда как, например, к сукам, не всегда применяются крайние меры.

Переодевать в робу – переодевать в лагерную форму.

Под раскруткой – находясь под следствием будучи в местах лишения свободы.

Режимник – заместитель начальника ИУ по режиму и охране.

С понтом – с определенной долей апломба.

Схлестнулись со шпаной – встретились с ворами в за-

коне.

Тычил – воровал по карманам.

Урок – воров в законе.

Хозобслуга – осужденные к небольшим срокам заключения, не имеющие взысканий и не придерживающиеся воровских законов, а потому и занимающиеся в тюрьме хозяйственными работами.

Цинковать ментам – давать знать милиции о совершенных противозаконных действиях.

Шайтан – кличка (шайтан – злой дух, в переводе с языка мусульман всего мира).

Шнифта и потушили его навеки – выкололи глаза.

Шконарях – лагерных кроватях.

Шпана безусая – молодые преступники, которые стараются придерживаться воровских законов.

Щекотнуться – почуять опасность.

Цинк – опознавательный сигнал об опасности.

Муссолини

1

Случай этот произошел в самом начале 1998-го. Близился к концу второй год моего заточения в московских тюрьмах: сначала в *Бутырке*, а затем и в *Матросской Тишине*. В конечном итоге я опять оказался в *Бутырском центре*.

Тогда я и представить себе не мог, что вскоре вновь окажусь на свободе. Дело в том, что когда в последний, седьмой раз меня вывозили на суд, прокурор, эта с виду милая, пышнотелая дама бальзаковского возраста, после всех доводов, обращенных к судье (кстати, тоже женщине), запросила для меня десять лет особого режима. «Мало того, что вы в своей собственной стране уже двадцать один год, как признаны вором-рецидивистом, – язвительно подчеркнула она, глядя при этом куда-то в сторону и явно избегая встретиться с моим взглядом, – живете в основном по чужим документам и постоянно нарушаете закон. Вы еще и умудряетесь разъезжать по Европе, занимаясь там криминальной деятельностью, и находитесь под пристальным вниманием Интерпола. – В тот раз меня арестовали в аэропорту Шереметьево, прямо у трапа самолета, прилетевшего из Афин. – Не многовато ли для обыкновенного карманного вора, Зугумов?»

Выпалив все это, она хотела было сесть, и тут наши взгляды, наконец, все же встретились. Успев на доли секунды заглянуть в эти маленькие глаза, похожие на глазки королевской кобры, я сделал для себя вывод: этого ядовитое существо может только жалить. Как бы то ни было, фортуна все же улыбнулась мне, и я избежал ржавого меча нашей подгнившей державы. Но это случилось чуть позже, а пока я *чаллся в 164-й хате*.

Накануне Нового 1998 года ко мне на свидание в тюрьму пожаловала одна очень элегантная и привлекательная особа. Я нисколько не удивился странному визиту этой дамы, хотя и видел ее впервые. Дело в том, что *уркам*, пребывавшим на свободе, понадобилось срочно передать очень серьезную *маляву* братьям, находившимся в тот момент в *Бутырке*. Но как это сделать?

Пронюхав о том, что в самом скором будущем в воровской среде должны были произойти какие-то глобальные перемены, администрация тюрьмы наложила запрет на свидания не только с ворами, находившимися на свободе, но и в самой тюрьме жуликам не разрешались свидания ни с кем, даже с матерями.

В этой связи мне хотелось бы отметить одну очень важную деталь, связанную с арестантской жизнью *воров в законе* вообще и в *Бутырской* тюрьме в частности. Там постоянно находилось, по меньшей мере, восемь или десять *урок*. Несмотря на то, что *централ* был лишь третьим по величине

на всем постсоветском пространстве (после *питерских Крестов* и киевского «*Крещатика*»), ни в одной из других тюрем не чалилось столько воров в законе, как здесь. Это происходило оттого, что *Бутырка* находилась в самом центре империи, в её столице, где прокручивается, как известно, семьдесят процентов всего российского капитала.

Что же касается *воровских сходняков*, то и они, как правило, проходили в Первопрестольной. В златоглавую по разным делам всегда съезжалось много урок со всей страны, ну а уж появиться на *сходняке* и сам Бог велел.

Обычно результаты очередной сходки переправлялись братьям в столичные тюрьмы, а там *урки* знакомили с ними заключенных. Таким образом, те, кому это было положено, оказывались в курсе всех *воровских дел*. Но случалось и так, что большинство воров находились не на свободе, а за решеткой. Тогда *сходняк* приходилось проводить в *бутырских стенах*.

В то время в одной только *Бутырке* сидели восемнадцать воров. Почти всех их я знал лично и общался с ними и в *Матросской Тишине*, когда был там вместе с Колей Сухумским в *табунаре «на положении»*, и в *Бутырке*, когда был переведен туда вновь.

Мое положение обязывало меня по несколько десятков раз в день не только обращаться к ворами по разным причинам, но иногда и встречаться с ними при необходимости. Иначе и быть не могло. Это был наш обычный, повседнев-

ный тюремный быт.

Всем известно, что занести в тюрьму что-нибудь запрещенное всегда непросто, а в такое время тем более. Так вот, сведя риск к минимуму (*малявка* была зашифрована, а код знали лишь единицы), *урки* отправили курьером на свидание в тюрьму дочь одного очень высокопоставленного чиновника из аппарата правительства России, любовницу одного из столичных босяков, которая ради него была готова на все.

Воры всё рассчитали правильно: вряд ли кто-либо из тюремной администрации рискнул бы подвергнуть ее *шмону*. *Менты* в таких ситуациях, а их на моей памяти было множество, предпочитали иметь дело не с тем, кто передавал депешу, а с тем, кому она предназначалась. Таким человеком мог быть либо сам адресат, либо его доверенный посредник.

Миссию получателя воры возложили на меня. Накануне предстоящего свидания *урки* сказали мне: «Ты сам видишь и понимаешь всю сложность ситуации, Заур, поэтому действуй, как считаешь нужным, на свое усмотрение. Тебя учить не надо, но в любом случае *ксива* должна либо оказаться у нас, либо быть уничтоженной тобой лично. Третьего не дано и быть не может».

За свою долгую босяцкую жизнь я, конечно же, не раз исполнял поручения подобного рода, как на свободе, так и в неволе, и все, слава Богу, всегда обходилось без запалов. Ума хватало, да и молод был – дурил *попкарей* и крутил *легалками* как хотел и как складывалась ситуация. Но теперь, на старо-

сти лет, я, откровенно говоря, немного занервничал.

Боялся я, конечно же, не за свое благополучие, ведь это была моя жизнь, а за дело, мне порученное. Еще с детских лет воры научили меня ходить по краю пропасти и не падать. Ну и, в конце концов, я был у себя дома, чего мне было бояться? Но годы всё же брали своё, я это уже давно чувствовал, потому-то и переживал за возможные последствия за- пала и за своё честное имя босяка. Ведь поручения такого рода воры доверяют лишь одному из тысяч арестантов, но и спрашивают с него соответственно. Приходилось идти на риск, ибо если не я, то кто же?

2

Краткосрочные свидания почти во всех тюрьмах России проходили по одному и тому же сценарию. Сначала заводили посетителей со свободы и они рассаживались по местам. Затем наступала очередь заключенных. Посреди узкой и длинной комнаты стояло что-то, напоминающее стол. Сквозь него, тоже посередине, во всю длину помещения была намертво закреплена огромная и толстая прозрачная перегородка, уходящая под самый потолок. По обеим сторонам стекла – ряд стульев и телефонные аппараты. Разговаривать можно было только по телефону, иначе ничего не услышишь. Подниматься со своих мест во время свидания запрещалось, залезать на стол или под стол – тем более. Ни единой щели, в которую могла бы пролезть даже спичка, ни единой трещины или дырки в перегородке не было. За этим постоянно следили несколько *мусоров*.

Но все это лишь кажется человеку, не искушенному в тюремной изобретательности. Арестант же, идущий на свидание не только для того, чтобы увидеть родных или почесать языком, всегда готовится к нему загодя. Собрав последнюю информацию по «дорогам», соединяющим соседние *хаты*, он всегда знает, к какой кабинке нужно подойти и на какой стул сесть, где следует нагнуться и какую дощечку ковырнуть, чтобы вытащить оттуда *маляву*, деньги или еще что-

нибудь очень полезное.

Рассказывать обо всех хитросплетениях и примочках, к которым прибегают арестанты российских *централов*, я думаю, ни к чему. Мне бы не хотелось, чтобы они меня неправильно поняли. Так что описывать, как я *выщепил* ту *ксивенку*, не буду. О чем только мы не переговорили за два часа, отведенные нам тюремным регламентом, с этой юной и очаровательной незнакомкой, чтобы скоротать время! Мне было не до новостей со свободы, но виду я, конечно же, не подавал. Улыбался своей милой собеседнице, о чем-то переспрашивал её по нескольку раз и почти всё время думал о предстоящей схватке с легавыми. Ну, а в том, что она предстоит в самое ближайшее время, у меня не было и тени сомнений. *Легавые* были «на хвосте», я это чувствовал всем своим телом.

Наконец, разводящий *дубак* предупредил всех о том, что время вышло и пора закругляться. Арестанты стали прощаться с близкими, а ещё через минуту-другую заключенных раскидали по *боксыкам-одиночкам* и начали разводить по камерам.

Сидя в самом крайнем от общего коридора *боксыке*, я не в *кипеш* курил, припасенную ранее сигарету (в *боксыках* курить не разрешалось), по привычке прислушивался к тому, как *мусора* клацали затворами на дверях камер, и произвольно считал. Как я и предполагал, последней оказалась именно моя крохотная каморка. Меня, молча, вывели

и безо всяких расспросов повели в сторону *хоздвора*. Через несколько минут я оказался в тюремной бане.

Вид этого помещения впечатлял. При входе в глаза сразу бросалось крохотное квадратное отверстие, похожее на окно, которое было зарешёчено двумя рядами толстых прутьев, будто это был по меньшей мере бункер. В какой-то степени это сравнение было справедливым. В окне стёкол не было, И оттуда дул холодный зимний ветер. Все стены бани блестели инеем, ведь на дворе стояли *крещенские морозы*.

В общем, радоваться было нечему, но и отчаиваться, тоже не стоило. Я уже не раз писал, что все эти экзекуции были частью моей жизни, а тюрьма родным домом. Через какие только препоны мне не приходилось пройти за четверть века, проведённые в *казематах и рavelинах* «нашей необъятной», лишь бы обмануть *мусоров*, вырулить у них то, что для нас было крайне важным, а порой и то, от чего зависела чья-то жизнь! Так что я готов был ко всему, да и сценарий был мне знаком еще с юных лет.

Здесь я, пожалуй, немного отвлекусь, чтобы рассказать к каким уловкам прибегали *вертухаи*, чтобы изъять у заключенного важную *малявку* или деньги. В первую очередь *менты* задавались вопросом: куда человек может спрятать *кси-венку*? Есть два почти верных пути её *загасить*: проглотить или запихнуть в «*жиганский гаширик*». Так что, не мудрствуя лукаво, они раздевали догола свою жертву, заставляли согнуться или помогали это сделать и засовывали в задний

проход заключенному железный прут с крючком на конце, а если были слишком злы на арестанта, то и обрывок колючей проволоки.

Если искомого там не оказывалось, они заставляли арестанта выпить загодя разбавленную гашеную известь и сажали его на решетку, заранее постеленную на отверстие в туалете или бане, а сами наблюдали за происходившим процессом. Представьте себе картину: голый человек сидит над *толчком*, покрытым мелкой сеткой, а вокруг него стоят пять-шесть *попкарей* разного калибра и боятся пропустить самый главный момент экзекуции: когда же, наконец, вылетит из заднего прохода *малява* или *бандяк* с копейкой? В том, что это рано или поздно произойдет, никаких сомнений у них не было, ведь этот способ в течение не одного десятка лет был проверен на многих тысячах заключенных и всегда действовал безотказно.

Если всё же по каким-то причинам желаемый результат не достигался, то они все равно нисколько не отчаивались и тем более не смущались. С чувством выполненного долга они препровождали заключенного в его камеру, и на этом их миссия заканчивалась. Они своё дело сделали, а остальное их не касалось. Все остальное было прерогативой *оперчасти*.

Но в случае со мной они могли попасть впросак. *Кумовья* были уверены в том, что *малява* у меня, а значит, я её просто здорово *пригасил*. Они знали, с кем имели дело.

3

Козырные легавые были абсолютно правы, предполагая, что *малява* всё же существует. Они были уверены, что мне каким-то образом удалось не *спалить* её, но вот как это у меня получилось, для них, думаю, и по сей день остается загадкой. Что ж, голь на выдумки хитра...

Мусоров гораздо больше беспокоило теперь другое: как избежать всеобщего *кинеша* среди арестантов? В какую камеру пригасить меня на несколько дней, пока не сойдут синяки и ссадины, которые я получил при столкновении с ними, а заодно и понаблюдать, буду ли я пытаться *схлестнуться с ворами*?

О том, чтобы водворить меня в одну из камер большого или малого *спеца* – то есть в обычное место пребывания особо опасных преступников, не могло быть и речи. В то время я как раз был *положенцем* большого *спеца* и небольшого корпуса-аппендикса в придачу, а это – треть всего Бутырского централа. На малом *спецу* тогда *парились урки*. Так что сажать меня в одну из камер этих корпусов *мусорам* было никак нельзя.

Вариант с карцером тоже был исключен. В шестнадцати камерах этого живого склепа шла своя тюремная жизнь. Почти каждые два-три часа кого-то сажали, кого-то выпускали. Людской круговорот не прекращался круглые сутки, и

утаить кого-либо из арестантов от недремлющих *зэков* было практически невозможно. Так что этому парчаку-режимнику Ибрагимову, который руководил тогда всей этой операцией, – нужно было или заживо замуровать меня в какой-нибудь камере, как некогда мусора замуровали старого *уркагана* Байко, либо найти в тюрьме хату на отшибе. В любом следственном изоляторе у *легалых* всегда припасено что-то на такой случай, а уж тем более в *Бутырке*.

Так что, в конце концов, и для меня хата нашлась. Во внутреннем дворе *Бутырки*, там, где находится здание санчасти и больничный стационар, стоит одноэтажный корпус, соединяющий малый *спец* и левое крыло централа. Здесь полоскалась вся *хозобслуга Бутырки*, тут же располагались кухня, хлебопекарня, склады с продовольствием и прочие службы. Все эти сооружения оказывались сзади того маленького корпуса-аппендикса из одиннадцати камер, куда мусора наконец-то определили меня после нескольких часов привычной мороки на *седьмой сборке*.

Сборки выполняли те же самые функции, что и *боксыки*, только были гораздо больших размеров. Самой большой в *Бутырке* считалась именно *седьмая сборка*, куда одновременно могли поместиться до двухсот человек. Обычно больных и покалеченных сажали на несколько часов именно сюда из-за соседства с тюремной санчастью. Дверь была прорублена непосредственно в стене для того, чтобы заключенных не выводить из камеры в коридор.

С некоторых пор этот корпус пользовался дурной славой, хоть и здесь порой *чалились урки*. Всеми виной была одна *падаль* по кличке Чёрный. Я слишком хорошо знал деяния этого гада, но никогда не встречался с ним. Это была старая лагерная сука, до поры до времени *сухарившаяся среди бродяг*, применяя всевозможные хитрости и уловки. Долгое время ему это удавалось, ведь его хозяева помогали ему во всем. *Менты* старались не светить этого гада по пустякам, берегли, надо думать, для чего-то более важного, более значимого для них, и однажды такой час пробил.

В первой половине девяностых годов в *Бутырке* собралось очень много *именитых урок*. Легавым необходимо было знать всё, что творилось в *воровской среде*. С этой целью они и запустили насадкой по *воровским хатам* *малого спеца* эту суку. Впоследствии босьякам удалось вывести его на чистую воду, но, к сожалению, слишком поздно.

После ареста Паши Цируля – *держателя воровского общака* России – и *шмона* в его загородном доме, *менты*, не найдя денег, были очень злы и предпринимали все возможные меры для их поисков. Чёрный, судя по всему, был их последней надеждой. Почему последней? Да потому что вскоре после их встречи, Пашу Цируля перевели в *гэбэшную тюрьму* – *Лефортово*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.